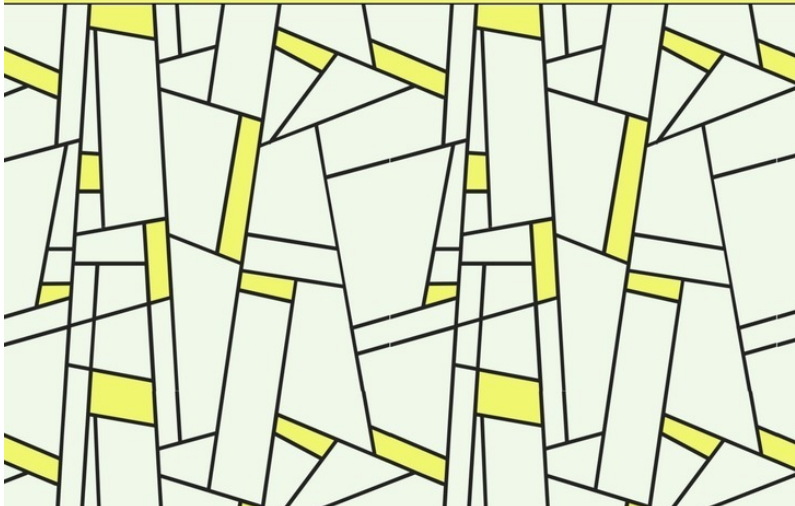

Екатерина Риз

*Свет мой
зеркальце,
скажи...*

Екатерина Риз

Свет мой зеркальце, скажи...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22816488

ISBN 9785448369551

Аннотация

Мы все порой гадаем: каково это – иметь двойника? Свою точную копию, зеркальное отражение. А вот Липа, главная героиня книги, знает об этом непонаслышке. В её жизни есть двойник. Родная сестра-близнец, с которой она совершенно не близка. И когда выпадает возможность сёстрам сблизиться и лучше узнать друг друга, Липа долго не сомневается, и отправляется на зов сестры, поучаствовать в её маленькой любовной аванюре. Не ведая, что ей предстоит узнать много нового – и о себе, и о своём двойнике.

Содержание

1	5
2	33
3	64
4	93
5	131
Конец ознакомительного фрагмента.	143

**Свет мой
зеркальце, скажи...
Екатерина Риз**

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4483-6955-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Признаться, в первый момент, как увидела её, я растерялась. Даже оторопела, на секунду, на мгновение, сбилась с шага, потом остановилась. Смотрела на сестру. Наверное, я никогда не привыкну. Мы с Ладой вместе не росли, у нас не было возможности смотреть друг на друга каждый день, и привыкнуть к нашей внешней схожести. Хотя, что же я перед собой притворяюсь? Мы не просто похожи, мы одинаковые. И сейчас я смотрела будто на своё отражение. У нас даже причёски похожи.

Тот же овал лица, разрез глаз, одинаково синие глаза, и губы мы поджигаем одинаково, я замечала. Ямочки на щеках, светлые волосы до плеч, правда, Лада куда горделивее меня, и по характеру, и по осанке, и смотрит с пристрастием. Я так не умею. Она и ко мне сейчас приглядывается без любопытства, она меня изучает. Правда, почти тут же на её лице появляется улыбка.

– Липа, привет.

Я, наконец, улыбаюсь, и, надо сказать, что улыбка моя искренняя и от души. Первое удивление прошло, и я решила сестрёнке обрадоваться. В конце концов, мы однояйцовые близнецы, говорят, между нами должна быть особая связь. Возможно, я её не чувствую, потому что не помню себя рядом с сестрой? Но не об этом думать после долгой разлуки.

– Лада, ты почему не предупредила? Давно ждёшь?

Мы неловко расцеловались и обнялись. Сестра казалась выше меня ростом, но это из-за туфель на шпильке. Она всегда носила каблуки, я её за это уважала. И одевалась более смело, стеснения в Ладке не было ни грамма. Она собой гордилась и себя любила. А меня от себя сейчас отстранила, отступила на полшага и меня окинула ещё одним внимательным взглядом. Хмыкнула к чему-то. А я в лёгком смущении одёрнула белую офисную блузку. Кстати, себе я сегодня нравилась. Была одета по праздничному, всё-таки уходила в отпуск, а ещё два дня назад мне исполнилось двадцать семь лет. Меня по этому поводу сегодня поздравляли, даже цветы подарили. Я как раз хотела Ладе всё это объяснить, потом вспомнила, что день рождения был не только у меня, но и у неё. И мы даже созванивались в субботу, но о том, что собирается приехать, сестра не намекнула. И вот она здесь, обнимает меня, разглядывает, надо сказать, с тем же потаённым удивлением, что и во мне просыпается при первом же взгляде на неё. Она проехала почти триста километров, наверняка, для этого есть какая-то серьёзная причина. За все годы Лада приезжала в наш город всего несколько раз, пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать. У нас с ней разные жизни, так уж сложилось, и мы обе с этим давно смирились. Перезваниваемся по праздникам, держим в курсе основных судьбоносных событий, и на этом всё. Дань вежливости, а не сестринские отношения. Тем более отношения

сестёр-близняшек. Странно.

Ладка на букет в моих руках кивнула.

– Красивые. Путного ухажёра, наконец, завела?

Я тоже на цветы посмотрела, чуть нахмурилась.

– На работе подарили, в честь прошедшего дня рождения.

Лада заметно поскучилась.

– Ясно. А ухажёра завела?

Я глянула на неё с определённым намёком и попросила:

– Перестань. – Опомнилась, нужно ведь звать гостью в дом. – Пойдём. Если бы позвонила, не пришлось бы ждать.

– Да ладно. – Лада направилась за мной к подъезду, по пути поглядывая по сторонам. – Знаешь, я как-то спонтанно собралась. Давно не виделись.

Что есть, то есть. Два года точно прошло после её последнего приезда.

Жила я в квартире бабушки и дедушки. Их обоих, к сожалению, в живых уже не было, мне остались стены, осталась мебель, многочисленные книги и стопка альбомов с фотографиями. Это предлагалось называть «памятью» и беречь, я не спорила, но это были лишь вещи и стены, и родных людей заменить не могли. Дедушки не стало, когда мне исполнилось тринадцать, я прекрасно его помнила. Это был интеллигентный спокойный человек, преподавал историю в местном ВУЗе, а вечерами любил гулять со мной в сквере по соседству, держал за руку, мы шли по липовой аллее, и дедушка пересказывал мне исторические факты и казусы. Он особен-

но любил казусы, называл их анекдотами, и смеялся в усы. Когда его не стало, мы с бабушкой долго не могли смириться с потерей. Но всё-таки мы были вдвоём, было с кем на пару погрузить и у кого на плече поплакать. А вот три года назад я осталась одна.

Лада приезжала на похороны бабушки. И это была наша первая настоящая встреча и общение, при печальных обстоятельствах, зато подтолкнувшая нас к разговору по душам. До того момента мы с Ладкой лишь время от времени по телефону разговаривали, и наши беседы носили чисто формальный характер. Бабушке это никогда не нравилось, она неизменно печалилась из-за того, что нас с сестрой в детстве пришлось разделить, и, мало того, развезти по разным городам. Я ещё с детства помню их с дедушкой разговоры на эту тему, негромкими и печальными голосами, когда они думали, что я не слышу или ещё не в состоянии понять, но они говорили про Ладу, и одно время даже надеялись забрать её к себе. Этого не случилось, мы с сестрой повзрослели, и задумываться о том, что кто-то из нас уедет из привычного дома только для того, чтобы расти рядом, взрослые перестали. Лада воспитывалась в доме наших родственников по отцу, у его родной сестры и её мужа, и я знала, что ей там жилось хорошо. Её любили, её баловали, и сестра отказа ни в чём не знала. Своих детей у дяди с тётей не было, и они всю свою нерастраченную любовь перенесли на Ладу. И, если честно, достаток в их доме был куда больший, чем в нашем. Но этому

я никогда не завидовала, хотя бы потому, что знала об этом лишь понаслышке. Мы с сестрой и увиделись впервые, когда нам исполнилось по пятнадцать. И я до сих пор помню шок, который испытала при виде неё, и отражение этого шока я видела в её глазах. Будто в зеркало на себя смотрела, видела себя и чувствовала всё то же самое, что отражалось на лице сестры. Но это было лишь первое впечатление, характерами и подходом к жизни мы с Ладой заметно отличались. Сестра была порывистой, страстной, горделивой. Во мне, наверное, всё это тоже присутствовало, но в гораздо меньшей степени. И все свои порывы я умела контролировать, и уж точно никогда не считала, что я умнее или красивее кого-то. А вот Лада искренне верила в то, что она красавица. И эту уверенность она несла через свою жизнь, как знамя. И в своей, отдельной от меня жизни, её это, наверняка, радовало и давало лишний повод полюбоваться собой и покрасоваться перед другими, а вот когда мы встречались, Лада довольно быстро начинала томиться и задумываться. И я её понимала в этот момент, как никто. Не потому, что хотела оставаться неповторимой, как сестра. Просто это казалось странным и непривычным – видеть рядом своё отражение.

Дом, в котором я жила, был ещё сталинской постройки. Толстые стены, высокие потолки, огромные окна и сквозняки. У нас постоянно сквозило, с этим невозможно было что-то поделать. И поэтому, переступив порог, я тут же сунула ноги в тёплые тапочки. А вот Лада вошла и принялась огля-

дываться. Правда, уже через пару секунд её поманило большое зеркало в старинной раме. Сестра подошла и придирчивым взглядом окинула своё отражение. Кажется, на меня она порой смотрела точно также.

– Сейчас тапочки тебе дам, – сказала я, а Лада лишь небрежно отмахнулась от моей заботы.

– Перестань суетиться.

– Я не суечусь. Просто у нас всегда холодные полы.

Лада сменила свои модные туфли на гостевые тапочки, прошла в комнату. Там осмотрелась. А я наблюдала за ней с потаённым смущением. И украдкой разглядывала, в открытую себе этого никогда не позволяла. Разглядывать, сравнивать с собой.

– Ты так ничего и не поменяла после смерти бабушки?

Я плечами пожала, привалилась к дверному косяку, спрятав руки за спиной.

– Мне и так нравится. Не хочу ничего менять.

– Ну и зря, – категорично заявила Лада. – Надо менять, Липа. Думаю, тогда бы и в твоей жизни произошли изменения. Хоть какие-нибудь.

Я улыбнулась.

– Что ты имеешь в виду?

Лада руками развела, глянула многозначительно.

– Хоть что-то. – Подошла к книжному шкафу от потолка до пола, провела пальцем по корешкам старых книг, принадлежащих ещё дедушке. Рядом стояла фотография в рам-

ке: бабушка и дедушка в Гаграх, 1979 год. Молодые и счастливые, но их улыбки были спокойными. Такие уж они были, педагоги, интеллигенция. Лада задержала взгляд на фото. Потом вдруг усмехнулась.

– Странная штука – жизнь, да, сестрёнка?

Таких разговоров я от неё прежде не слышала, и таких интонаций, задумчивых и проникновенных, тоже, и мне вдруг неловко стало. Я от косяка отпрянула.

– Я чайник поставлю. Или ты голодная?

Лада обернулась, кинула на меня внимательный взгляд, а её недавняя усмешка вдруг превратилась в широкую улыбку. А сама сестра заявила:

– Да пошла ты со своим чаем. Я тебя в ресторан приглашаю.

– В ресторан?

– А что? Можем мы с тобой хоть раз в жизни в ресторане посидеть? Как нормальные люди? То есть, сёстры. Пойдём, вынесем всем местным мужикам мозг.

– Вот о чём ты думаешь? – рассмеялась я.

Лада ко мне шагнула и схватила за руку.

– Липа, соглашайся. Пошли в ресторан! У вас есть приличный ресторан?

– Лада, мы, конечно, не Нижний Новгород, но не деревня же.

– Ладно, не обижайся. Переодевайся, быстрее. У тебя есть нормальное платье?

Сестра фонтанировала энергией, не дожидаясь меня, прошла в мою спальню, распахнула дверцы шкафа. Я отправилась за ней, не скрывая насмешки.

– Лада...

Сестра выпятила нижнюю губу, разглядывая мой гардероб. Головой качнула, явно недовольно.

– Тут даже выбрать не из чего. Лип, ты сдурела?

– У меня шкаф забит!

– Твой шкаф меньше того, в котором я обувь храню! Липа, едрит-мадрид, ты давно на себя в зеркало смотрела?

Я от души расхохоталась.

– Как ты сказала?

Лада смешно подбоченилась.

– А что я ещё могу сказать вот про это? – Она указала рукой на мои вещи, аккуратно развешанные в шкафу.

– Значит, останемся дома, – легко оставила я идею о ресторане.

– Вот ещё! – Лада вызывающе сдула со щеки светлую прядь волос. – Я здесь только час, а уже начинаю понимать масштаб трагедии. Мне нужно срочно приниматься за твою личную жизнь.

Я решительно качнула головой.

– Нет.

– Да! Но успокойся, не сегодня. Сегодня мы идём в ресторан, пить вино и разговаривать. – Лада присмотрелась ко мне, какую-то секунду выжидала, после чего сделала шаг,

другой, и внезапно меня обняла. Не так, как обычно. А буквально сдавила меня в объятиях, а я в растерянности замерла.

Мне всё-таки пришлось переодеться, надеть платье, которое покупала совсем недавно для свадьбы подруги. Оно мне шло, в ярко-синем я смотрелась сногшибательно, и знала это. Но со сногшибательностью старалась не перебарщивать и часто ею не злоупотреблять. А вот сейчас снова остановилась перед зеркалом, глядя на себя, и, признаться, даже позабыла ненадолго о том, что за моей спиной сестра стоит. Она была лишь ещё одним отражением в зеркале. Но потом я заметила её внимательный взгляд, обернулась, а Лада, после едва уловимой паузы, в ладоши хлопнула.

– Вот, это то, что я хотела видеть. Только не понимаю, почему у тебя это платье одно. Весь шкаф должен быть забит подобными нарядами. А не твоими белыми кофточками и строгими юбками. Липа, признайся, у тебя роман с начальником? И ты под эти белые блузки красное бельё надеваешь?

– Господи, что у тебя в голове?

– Самые правильные мысли. Мужики перед тобой должны в штабеля укладываться. Укладываются?

– Не замечала.

– Значит, не порядок.

– А перед тобой укладываются? – решила я её подначить. Вот только не получилось, Ладка лишь победно ухмыльнулась.

– А то! Эх, надо было тебя ещё два года назад в Нижний увезти. А я... – Она безнадежно махнула рукой.

Я же попробовала охладить её вспыхнувшее чувство вины.

– Лада, вряд ли тебе нужны соперницы.

– В этом ты права. Но ты моя сестра. – Она подумала. – Родня.

И правда, вроде как родня, подумалось мне, но Ладе я лишь улыбнулась.

Оказалось, что приехала Лада на машине. Белая «вольво», новенькая и сверкающая, была припаркована недалеко от подъезда. Признаться, я ещё раньше её заметила, не обратив внимания на машину было невозможно, и вот оказалось, что это собственность моей сестры. Видимо, я на самом деле очень многого не знаю о её жизни. Например, как можно заработать на такую машину.

– Нравится? – Лада погладила автомобиль по полированному боку, а на меня кинула горящий взгляд, и даже подмигнула.

– Красавица, – согласилась я. – Сколько стоит? Ты кредит взяла?

Лада глаза закатила.

– Успокойся ты со своими кредитами. Ты в отпуске.

Кстати, да, я работаю в банке, в кредитном отделе. Так что, как говорится, обращайтесь, мы всегда рады... Почти всегда и почти всем.

– А ты машину водишь?

– Очень осторожно, – сказала я, так и не найдя подходящего определения для моих весьма скромных навыков вождения.

– Я тоже осторожно, – кивнула Лада, лихо выруливая со двора и, не сбавляя скорости, выезжая на дорогу. Я только сглотнула.

Мы доехали до центра города, сестра поинтересовалась, какой ресторан у нас в городе лучший, а я попыталась её убедить, что в лучший нам заходить совсем необязательно. Есть поскромнее, но кормят ничуть не хуже. Но Ладу, видимо, манили яркие и большие вывески. В итоге, мы оказались в самом шумном городском развлекательном комплексе. Я даже не бывала в нём ни разу, но много слышала, и про ресторан в том числе. А Лада и не слышала, но появилась там с видом завсегдатая, уверенно вошла и также уверенно взглянула на девушку, что встречала посетителей у дверей в ресторан.

– Нам столик. Желательно у окна, – объявила ей сестра, а я поспешила добавить:

– Пожалуйста.

Взгляд девушки метался от моего лица к лицу Лады, это было непривычно, но человек казался искренне удивлённым, и, кажется, даже не заметил некоторой резкости в исполнении моей сестры. Но столик нам дали и именно у окна, как Лада и хотела. А пока мы шли через зал, я привыкала

к новому для себя чувству: быть в центре внимания. Потому что, как оказалось, мы вместе с Ладкой, производили на общественность неизгладимое впечатление. И если я пыталась привыкнуть и особо не смущаться, то Лада ещё и под руку меня подхватила, явно красуясь. Несмотря на то, что вечер только начинался, зал ресторана был уже заполнен на добрую половину. Но столик у окна для нас выделили, правда, вряд ли можно было сказать, что мы оказались в стороне, наоборот, у всех на виду. Лада сияла улыбкой, а я делала вид, что меня весьма интересует вид из окна. Молодой человек принёс нам сначала винную карту, затем меню. Сестра вела себя привычно и спокойно, не задумываясь сделала заказ, а когда я увидела в карте цену бутылки вина, что Лада заказала, про себя ахнула и мысленно начала прикидывать, хватит ли мне денег – сколько в кошельке, а сколько на карте.

– Ну, что ты всё глаза таращишь, – не выдержала, в конце концов, сестра. – Расслабься, Липа.

– Я, в отличие от тебя, финансовый заканчивала. Я деньги считать привыкла.

– А я тратить, – легкомысленно улыбнулась Лада. Подбородок рукой подпёрла, снова принялась меня разглядывать. – Липа, ты меня расстраиваешь.

– С чего вдруг?

– Не знаю. Смотрю на тебя и расстраиваюсь. Что у тебя в голове?

Я откровенно вздохнула и призналась:

– Мозги.

Ладка фыркнула от смеха.

– Это печально. Зачем они тебе?

Я головой качнула, хотя прекрасно понимала, о чём сестра говорит.

– Я как-то не привыкла без них обходиться.

– Ну-ну. И поэтому ёрзаешь, сидя в ресторане и считаешь, что сколько стоит. Так жить нельзя.

– А как можно?

– Жить нужно в своё удовольствие. Чтобы не было мучительно больно... вообще, никогда. Вот как наши с тобой предки. Кстати, ты давно с ними разговаривала?

Нам весьма вовремя принесли вино, и я под этот разговор выпила залпом почти полбокала. Откинулась на спинку неудобного диванчика, на котором сидела, руки на груди сложила.

– Мама звонила на Пасху.

Ладка засмеялась.

– Мне тоже. Рассказывала, что пыталась красить яйца луковой шелухой. Такая глупость.

Я негромко хмыкнула, снова за окно посмотрела. Да уж, глупость.

– Она тебя к себе приглашала?

Я кивнула.

– Знает, что я не приеду.

Лада рукой на меня махнула.

– И я не поеду. Это сколько же часов лететь? Я даже из-за кенгуру не полечу, а уж из-за неё и подавно.

– Не говори так, – всё-таки попросила я. Пренебрежительный тон сестры резал слух, хотя я и понимала, что мне хочется говорить также, просто я не позволяю себе. Потому что бабушка никогда не позволяла.

– Папаша тоже объявлялся, – призналась Лада. – К родителям приезжал, – сказала она, имея в виду своих приёмных родителей. – С женой и детьми. Представляешь? Кстати, она не знает ничего.

Я смотрела на неё во все глаза.

– Ты серьёзно?

Лада кивнула с каким-то непонятным для меня удовольствием.

– Думает, что я его племянница. – Ладка выдохнула, допила вино в своём бокале и снова рассмеялась. – Цирк, короче. А он мне карту банковскую потом в карман сунул. – Она полезла в сумку, достала карту и положила на стол передо мной. – Твоя половина.

Я на карту смотрела, потом головой качнула.

– Зачем? Мне не надо.

– Не дури. – Лада брови сдвинула. – Папочка у нас сейчас при деньгах, может себе позволить. А ты, если тратить не хочешь, оставь на «чёрный день». Всякое бывает.

Я уже не спорила, но на карту смотрела, как на нечто чужеродное. Потом тихо спросила:

– А про меня он спрашивал?

– Спрашивал. Я сказала, что у тебя всё в порядке. Я ведь правильно сказала?

Я кивнула. Лада внимательно наблюдала за мной, ловила на моём лице каждую эмоцию, после чего ладонью по столу передо мной хлопнула.

– Не думай о них, чёрт со всем этим. – Потом чуть наклонилась ко мне: – Скажу тебе честно, Липа, мне рядом с ним некомфортно. Я видела его три раза в жизни, но... – Лада тоже на спинку откинулась, резко, в порыве чувств. – Он молодой мужик. У меня ухажёр был его возраста, молодой, здоровый мужик. Ему сорок три года, Липа. У него жена молодая, и детям по тринадцать. А тут я... мы. – А она оглянулась, жестом подозвала официанта, тот поспешил разлить вино по бокалам, а когда отошёл, Лада продолжила: – Так что, к чёрту всё. Я, вообще, про них не думаю.

– А я думаю, – призналась я. – Иногда. Думаю, как бы я поступила на их месте.

– Ты не на их месте, слава Богу. Ты в пятнадцать двойню не родила.

Я попыталась посмотреть на нас с сестрой как бы со стороны. Сидим мы с ней в ресторане, красивые, взрослые, самостоятельные, вино пьём, а наши с ней родители, умудрившиеся дать жизнь двум умницам-красавицам, всего на пятнадцать-шестнадцать лет старше нас. Сейчас, повзрослев, кажется, что между нами не такая уж и большая разница. Мож-

но сказать, что мы люди одного поколения. И от этого на самом деле ощущаешь дискомфорт, даже не находясь с так называемыми родителями рядом. Не знаю, как бы я себя повела, окажись в одной комнате с отцом и его новой семьёй. Хотя, что это я? Мы с Ладой никогда его семьёй не были. Ему и маме едва исполнилось по шестнадцать, когда мы появились на свет, и они совершенно не знали, что делать, особенно с двойней. Да, наверное, и знать не хотели, и их тоже можно понять. Сами дети. Поэтому нас с Ладой и разделили почти сразу после рождения. Меня забрали мамины родители, а Ладу старшая бездетная сестра отца. А непутёвых влюблённых, любовь которых к тому моменту благополучно прошла, отправили учиться по разным городам. Отец уехал поступать в Москву, где добился, в конце концов, успеха, выучился, женился, бизнесом занимался, детей воспитывал, которые родились у него уже в достаточно зрелом возрасте. А мама, проучившись несколько лет в институте в Нижнем Новгороде, благополучно выскочила замуж в первый раз, и переехала в Санкт-Петербург, и там уже встретила своего второго мужа, медика, и отбыла на ПМЖ в Австралию. Наверное, к тому моменту она чувствовала себя окончательно повзрослевшей, потому что позабыла посоветоваться с родителями, и лишь безудержно радовалась предстоящему переезду через океаны. Нам с Ладой к тому моменту исполнилось по десять, а нашей маме двадцать пять. И она второй раз выходила замуж. Кстати, я уверена, что к тому времени

все уже позабыли, чьи мы с Ладой дети. Молодые родители вовсю занимались своими жизнями. И я, повзрослев, много думала об этом. Признаюсь, что где-то глубоко в душе меня царапала обида. Не на то, что они нас с Ладой оставили, не захотели воспитывать, это я как раз готова была понять, им нужно было устраивать свою жизнь. Просто... иногда мне хотелось знать, что у меня есть родители. Даже если бы они просто иногда разговаривали со мной по телефону, интересовались моими делами и моей жизнью. Но они были заняты именно своей жизнью, своими семьями и детьми. Да, мама звонила, иногда, мы общались по скайпу, но наши разговоры были больше похожи на беседы приятельниц, даже не близких. Мама с завидной нетерпеливостью и воодушевлением пересказывала мне новости из своей жизни, из жизни своих знакомых, рассказывала про цветы и пироги, и не замечала, что я не говорю о себе и не задаю ей никаких важных вопросов. Её наши «родственные» отношения на дальнем-дальнем расстоянии, надо думать, устраивали. А отец не звонил никогда. Наверняка, у него и номера моего нет, и никогда не было. Они оба живут спокойно, уверенные, что их родственники исправили их ошибку молодости, и воспитали их детей. Те выросли и следуют своей дорогой, помощь им больше ни к чему.

– А я вот нисколечко не переживаю, – усмехнулась Лада, хотя я почему-то была уверена, что она мне врёт. – Ещё бы мамочка наша с именами не намудрила, вообще, можно бы-

ло бы забыть обо всём.

Я улыбнулась. Это да, мама постаралась, не поспоришь.

– И ведь знаешь, я хотела имя поменять, когда паспорт получала. Так мама упёрлась! Целую неделю меня пилила. Мол, тебя крестили с этим именем, как его менять? – Лада безнадежно отмахнулась. Глянула на меня исподлобья. – Тебе ещё повезло.

Я снова улыбнулась, ничего не могла с собой поделать. В конце концов, загородилась бокалом с вином.

Хотите, открою вам секрет? Имя Лада – сестра сама себе выбрала. По паспорту она Клавдия, и жутко страдает из-за этого. А у меня не укладывается в голове, как мама, в пятнадцать лет, умудрилась дать детям такие имена – Олимпиада и Клавдия. Наверняка, это дедушкино влияние. Потому что однажды я маму всё-таки спросила о наших с Ладой именах, а она начала мне долго объяснять что-то про красоту и величавость греческих имён. В общем, это вылилось в получасовую беседу ни о чём, когда мама рассказывала мне что-то невероятное, про поездку в Грецию, про вино и Некрополь, и причём здесь были наши с сестрой имена, я так и не смогла понять. Наверное, мама просто любила Грецию. А нам вот теперь мучайся всю жизнь.

– Где мне повезло? Ты, если не захочешь, никто и не узнает, как тебя на самом деле зовут. Лада – это красиво. А я Липа. Липа, Лада. Имя как раз для банковского работника.

Лада захохотала. Громко и не скромничая. А я обратила

внимание, что на нас поглядывают с любопытством, особенно мужчины.

– Как твои родители? – спросила я, когда нам принесли салаты. Перед этим повисла неловкая пауза, мы обе задумались о чём-то своём, и необходимо было найти нейтральную тему.

Лада плечами пожала.

– Нормально. Построили коттедж за городом и живут себе. Мама цветы разводит, отец что-то строгаёт в гараже. Сейчас в круиз задумали съездить, на лайнере вокруг Европы.

– Это хорошо.

Лада покивала, ела с аппетитом. Потом вдруг улыбнулась кому-то и даже рукой помахала. Я тоже голову повернула, увидела мужчину за столиком неподалёку. Он выглядел весьма воодушевлённым, нас разглядывал с удовольствием, потом бокалом отсалютовал. А я на сестру бросила укоризненный взгляд.

– Что ты делаешь?

Лада сделала удивлённые глаза.

– Что? Просто флиртую. Законом не запрещено. А вот ты смотришь на меня, как мама. Что ты, в самом деле?

– Я не люблю знакомиться в подобных местах.

– А где ещё знакомиться? В библиотеке? В ресторанах и надо знакомиться. – Лада подняла вверх указательный палец. – В хороших ресторанах. В них обычно накладок не случается.

– Каких накладок, Лада?

– Обычных. Тут сразу мужика видно. И сразу можно определить: жмот или нет.

Я головой покачала.

– Тебе замуж надо.

– Ага. Только мне наши с тобой предки всё желание отбили. Но замуж надо, ты права. Пора устраивать свою жизнь.

– У тебя проблемы с замужеством? Ни за что не поверю.

– Ну и зря. Замуж надо выходить с умом. Чтобы уж наверняка. Вот ты, замуж собираешься?

– Пока нет, – попыталась я уйти от ответа.

Лада негромко хмыкнула, а на меня кинула хитрый взгляд.

– Потому что начальник безнадёжно женат?

– Ты дурочка, – укорила я.

– Так да?

Я сунула в рот креветку, а сестре послала ехидную улыбку.

– Женат, но он тут совершенно не причём. Моему начальнику пятьдесят восемь лет.

Ладка жевала с задумчивым видом.

– Да, староват. Но, вообще, ты же в банке работаешь. Там же много мальчиков в костюмах. Знаешь, я очень люблю мальчиков в дорогих костюмах. С портфелями.

Я рассмеялась.

– Такие к нам только на собрания заходят. Для них мы

офисный планктон. И, вообще, я работаю в основном в женском коллективе.

Лада откровенно скривилась.

– Тоска какая. Слушай, но у тебя же кто-то был, я помню, ты рассказывала.

Я немножко погрустнела. Потом едва заметно отмахнулась.

– Не сложилось.

– Да? – Лада вино допила, обдумывала. Потом плечами пожала. – Ну, и чёрт с ним, значит.

– А ты?

Она притворилась непонимающей.

– Что?

– Лада, перестань. Ни за что не поверю, что у тебя нет... поклонника. – Я не сразу подобрала верное слово. Лада это отметила и посмеялась над моей неловкой заминкой.

– Нет у меня никаких поклонников. Я, Липа, только замуж. Я для себя твёрдо решила. А то вот такие, – сестра, ничуть не смущаясь, ткнула пальцем в сторону исходившего сальными взглядами мужчину за соседним столиком, – липнут десятками. Спасу от них нет. А толка никакого. Ещё и женатые. Только и годятся, что скрасить девушке вечер.

Я едва слышно хмыкнула, сестру разглядывала.

– Лада...

– Ну что?

– Тогда расскажи мне, где ты работаешь. Что можешь поз-

волить себе покупать такие машины.

Она откровенно скривилась.

– Что, циферки в голове щёлкают? – уличила она меня.

Я спорить не стала.

– Ничего не могу с собой поделать.

– К твоему сведению, я работаю. Да.

– Серьёзно?

– Я лицо сети автосалонов.

Я молчала, обдумывая.

– Модель?

– Да нет же! Я главный администратор сети.

– А-а... – Я с уважением покивала. Так, на всякий случай.

Просто понятия не имела, что это на самом деле означает: главный администратор. Но ведь целой сети автосалонов.

– И машину они мне выделили. Не подарили... В общем, для имиджа компании.

– Понятно. Я уж испугалась, что купила.

– Да ты что? Откуда у меня такие бабки? Хотя, я бы не отказалась.

– Да это понятно.

– Давай ещё выпьем? За руль я всё равно уже не сяду. –

Она заказала ещё бутылку вина, а когда официант принёс заказ и вновь наполнил наши бокалы, Лада поспешила свой поднять. – Давай, сестрёнка, выпьем за нас. За то, что мы с тобой впервые так сидим.

Мы выпили, закусили, Лада ещё помахала мужичку в ко-

стюме, и я даже всерьёз запереживала, что тот решит с нами знакомство более близкое свести, так его разбирало при каждом Ладкином взгляде.

– А ты, значит, в отпуске?

Я кивнула.

– С понедельника.

– Чем займёшься?

Я плечами пожала.

– Подруга на дачу к себе звала.

Лада замерла, разглядывая меня поверх бокала. Серьёзно так смотрела, после чего поинтересовалась:

– Липа, ты сбрендила?

– А что? У них озеро рядом, такая красота. Мы любим...

– Липа, нам с тобой тридцатник скоро. Кстати, за день рождения ещё не выпили. Но я не об этом. Тебе не страшно? Тридцать!

– Не нагнетай, – попросила я её вяло, а Лада ко мне через стол потянулась и схватила за руку, довольно больно.

– А мне вот страшно. И ты права, замуж пора. А ты в деревню собралась?

– На границу у меня денег нет. Я ничьё не лицо.

Лада резко махнула рукой.

– У меня тоже нет. Но дело ведь не в этом. – Она ткнула себя пальцем в лоб. – У тебя вот здесь должно быть... Не знаю, как тебе объяснить.

– Ещё бы, после бутылки вина-то, – негромко съязвила я

и усмехнулась при этом.

А Лада отпустила меня и махнула рукой.

– В общем, не хочу ничего слышать ни про какую деревню. Ты должна приехать ко мне. Я тебе сестра или не сестра? И, кстати, спасёшь мне этим жизнь.

Я заинтересованно вздёрнула брови.

– Это как?

Лада подалась назад, ещё вина глотнула, при этом выглядела странно смущённой. Я даже не знала, что она так умеет.

– Липочка...

– Боже.

– Ладно, извини. Липа, мне нужна твоя помощь.

– Что случилось?

– Ничего страшного, правда. Я просто хочу, чтобы ты приехала в Нижний. На некоторое время. На пару недель. Обещаю, что ты замечательно проведёшь там время. Будешь жить в моей квартире, я даже машину тебе оставляю.

– Я плохо вожу, – решила я предупредить её.

– Води, как хочешь. Тачка застрахована.

– От этого мне, конечно, стало спокойнее. Лада, что ты хочешь?

– Я уже сказала: чтобы ты пожила у меня. Пока я в отпуск съезжу.

– В смысле? – Я, на самом деле, озадачилась.

Лада наклонилась ко мне через стол и зашептала:

– Понимаешь, мой меня в отпуск позвал. На Мальдивы.

Липка, я так мечтала. А тут одна загвоздочка, в общем, он немножко женат.

Я начала смеяться. Попыталась запить свой смех вином, а Лада меня ещё и по руке стукнула.

— Ну что ты? Я же серьёзно! Это проблема. Я же лицо... — Она лоб потёрла и вздохнула. — В общем, если ты поживёшь у меня, пока я в отъезде, все будут думать, что он уехал в командировку, а не в отпуск, и я совсем не причём.

— Все — это его жена?

— И она в том числе. Липа, — Ладка перешла на щенячий скулёж, — не дай любви погибнуть! Я ведь, правда, его люблю!

— А он кого любит?

— А ты как думаешь? Уж точно не жену. А тебе это ничего не будет стоить. Я на работе отпуск возьму. Так что, ты просто будешь жить в моей квартире, гулять по городу, ходить по магазинам и ресторанам. У Ромы в каждом достойном ресторане Нижнего свой счёт открыт, и в некоторых магазинах. Так что, ни в чём себе не отказывай. Мы оба тебе будем весьма благодарны.

— И Рома твой? Что я приеду деньги его тратить?

— Если благодаря тебе, у него случится свадебное путешествие со всеми вытекающими, то будет весьма и весьма благодарен. Поверь. — Она посмотрела на меня горящими глазами и звонко рассмеялась.

— Лада, что ты творишь? Ты же сама сказала, что только

замуж. Зачем тебе женатый?

Сестра руками развела.

– Что поделать, дорогая. Это любовь. Я же не выбирала, в кого влюбиться.

Я только головой качнула, глядя на её довольное лицо.

А Лада переспросила:

– Ну, что скажешь?

– Не знаю. Подумаю. Глупость какая-то...

– Да никакая ни глупость. Твой отпуск хоть пройдёт не в деревне. Ты в Нижнем была?

– На экскурсии.

– Вот именно. А тут сможешь всё увидеть и даже приключение какое-нибудь себе найти.

– На свою задницу?

– На нашу задницу. Они у нас один в один. Господи, Липа, в тебе есть хоть немного авантюризма?

– А если кто-то поймёт, что я другой человек?

Лада выразительно хмыкнула.

– Интересно, как. Даже я так бы сразу не сказала, кто из нас кто. Особенно, сейчас, когда я перестаю трезво мыслить. Я не знаю, как нашим предкам это удалось, видимо, они очень старались, раз у них двойной результат получились, но мы одинаковые. Как это называется, я всё время забываю... – Она нетерпеливо щёлкнула пальцами.

Я подсказала:

– Одноййцевые.

– Вот-вот. Посмотришь, заодно, как я живу. А когда вернусь, я тебя с родителями познакомлю. Они сейчас далеко-далеко от города уехали, одна не найдёшь. Да и не зачем им пока знать, что я уехала с Язвой.

– С кем?

Лада хлопнула себя по губам, потом сплюнула в сердцах.

– С Язвой. Всегда перевираю его фамилию. Роман Явза. Дурацкая фамилия, правда? Его все за глаза Язвой зовут. У него и характер такой...

– Лада, по-моему, я что-то упустила в твоём рассказе.

Сестра головой тряхнула, поморгала.

– Я сама упустила. Слушай, я, кажется, напилась. Несу всякую ерунду. – Она снова ко мне потянулась, но на этот раз лишь похлопала меня по руке. – Так что, мы договорились?

– Я подумаю.

– Подумай, – согласилась Лада. – После бутылки вина всё равно договариваться не о чем, я к утру забыть могу. – Она на диванчике своём развернулась, принялась осматриваться. – Слушай, тут караоке нет? Я бы спела за день рождения!

Я глаза прикрыла, когда Лада вскочила и направилась к сцене в углу. Наблюдала за ней, а сама раздумывала о предложении сестры. А почему бы, на самом деле, не съездить на недельку в Нижний Новгород? Я не говорю, что готова согласиться прикрыть, как выясняется, непутёвую сестру перед женой её, надо полагать, любовника, но съездить, погулять, осмотреть город. Побывать рядом с сестрой, если полу-

чится, то почему бы и нет?

Почему бы и нет?

Риторический вопрос, который я себе задавала. А вот Лада уже через день после своего отъезда, позвонила и принялась выяснять, пакую ли я вещи. Я в тот момент лежала на диване, читала книгу и ела виноград. И ни о каких чемоданах и вещах не думала. О чём сестре и сообщила.

Лада в шоке замолчала на секунду, после чего выдохнула:

– Ты спятила? Я тебя здесь жду, а ты лопаешь виноград?

Ты хоть знаешь, сколько в нём сахара?

Я покрутила между пальцами крупную красную ягоду, разглядывая.

– Не знаю и знать не хочу, – сказала я, в конце концов.

Ладка фыркнула мне в ухо.

– Всё ты врёшь, и всё знаешь. Просто тебе больше нечем себя занять.

– Ты специально?

– Конечно. Чтобы тебя встряхнуть и заставить подняться с дивана. Липа, если ты этого не сделаешь, ты встанешь с него через неделю, и твоя задница будет на два размера больше. Я, конечно, не против, мне соперницы не нужны, ты знаешь, но всё равно будет жаль. – Я слушала сестру и улыбалась, молчала, и Лада прикрикнула, не сдержавшись: – Ты слышишь меня или нет? Приезжай немедленно!

Я вздохнула и закрыла книгу.

– Ты всё же собралась на юга?

– Конечно же, кто упустит такую возможность. И если ты не приедешь, основательно мне всё подпортишь. Липа, ну пожалуйста, – заканючила сестра, и я сдалась. Зажмурилась, мысленно махнула рукой на свои моральные принципы и бунтующую интуицию, и пообещала:

– Хорошо. Я приеду завтра.

– Отлично, я встречу тебя на вокзале и отдам ключи от квартиры.

Я некоторое время обдумывала.

– То есть, ты даже не проводишь меня до квартиры?

– Липа, ещё не хватало, чтобы соседи увидели нас вместе, и у них раздвоилось в глазах. Знаешь, какие у меня соседи? Врагу не пожелаешь. Особенно, старушенция из пятнадцатой. Ведьма старая!

– Ладно, ладно! Но, Лада, я хочу, чтобы ты знала: мне не нравится вся эта история.

– Почему? – Голос сестры прозвучал удивлённо. – У тебя будет отличный отпуск, я же тебе обещала. Я уже обо всём позаботилась. Составила список ресторанов, магазинов, салонов красоты, где тебя встретят с распростёртыми объятиями. Спа-курорт, да и только.

– Ты умеешь уговаривать, – признала я.

– Ещё бы. Хотя, мне не часто приходится это делать. Но Ромочка с огромным удовольствием оплатит твой новый

гардероб.

– Что?

– Не ахай. Ему это не будет ничего стоить. В том смысле, что он не заметит расходов.

– Он что, олигарх? Ты подцепила олигарха?

Лада вздохнула в трубку.

– Если бы. Он не олигарх, но... приятный мужчина во всех отношениях. Я вас потом познакомлю, – пообещала Лада. А я всё-таки с дивана поднялась, тарелку с виноградом отнесла на кухню. А в ответ на слова сестры, не скрываясь, хмыкнула.

– Зачем?

Лада помолчала.

– Наверное, ты права. Незачем. Ну, так что? Приедешь?

– Буду к обеду.

– Отлично! Позвонишь, я тебя встречу.

Что-то меня беспокоило. Я собирала вещи и беспокоилась. Даже ночью плохо спала, с боку на бок крутилась. И поэтому в шесть утра уже была на ногах, и устав от мыслей и переживаний, запретила себе сомневаться, выпила кофе перед отъездом, потом взяла небольшой чемоданчик и покинула свой дом. До Нижнего Новгорода на автобусе добираться было около четырёх часов. Я без труда купила билет в кассе автовокзала и вскоре уже сидела в удобном кресле междугородного автобуса, старательно настраивая себя на позитив. Говорила себе, что теперь отпуск точно не пройдёт бездарно,

я смогу отвлечься от работы, смогу увидеть город, осмотреть его как следует, а не набегам, как обычно, кстати, и с погодой повезло. И никто мне не будет мешать. Хотя, было бы совсем неплохо провести время с сестрой, узнать её получше, возможно, даже сблизиться с ней, но у Лады свои планы, и, кажется, она горит от желания уехать со своим... кхм, возлюбленным. Вдруг она, на самом деле, влюблена не на шутку? А о нравственной стороне вопроса и чужой жене я думать не буду. Меня это никак не касается.

К полудню автобус въехал в город. Когда он проезжал по высокому мосту, я прильнула к окну и смотрела на сверкающую в лучах полуденного солнца Волгу и белые теплоходы у причалов. Всё беспокойство меня оставило, я смотрела в окно и улыбалась. И сохранила подъём воодушевления до прибытия на автовокзал и встречи с сестрой. Лада ждала меня на стоянке и даже подпрыгивала от нетерпения. А когда увидела меня, кинулась обниматься.

– Ты приехала, ты приехала!

Я попробовала рассмеяться, но она так меня в объятиях сдавила, что у меня сбилось дыхание. Мне с трудом удалось Ладку успокоить и от себя отстранить.

– Приехала, – согласилась я, одёргивая лёгкую блузку. – Всего каких-то четыре часа.

– Вот именно, а как отнекивалась! Это все твои вещи? – Лада в некоторой растерянности устала на мой чемоданчик.

– Ты же обещала мне новый гардероб, – съязвила я. – Зачем было брать больше вещей?

– Это, конечно, правильно. Меня больше удивляет наличие у тебя такого малюсенького чемодана. Я всегда думала, что у женщин такого не бывает.

– Теперь ты знаешь, что бывает.

Мы отошли в сторонку, и я, наконец, смогла на сестру посмотреть. Лада была одета в пёстрый брючный комбинезон, её талию перехватывал широкий оранжевый ремень. И затянут он был до невероятной ужины, Лада выглядела очень грациозной и тонкой. Светлые волос трепал ветер, их только тёмные очки сдерживали, исполняющие в данный момент роль ободка. Макияж броский, на губах яркая помада, а в глазах огонь. Этот огонь и был самым главным ингредиентом в её душе, он захлёстывал Ладу и всех, кто оказывался рядом. Наблюдая за ней и поддаваясь её влиянию, хотелось вцепиться в неё так же, как делала она, завизжать от радости и немного попрыгать. Ни визжать, ни прыгать я не стала, но за руки сестру взяла.

– Ты уверена, что хочешь оставить меня одну? Мы могли бы побыть вместе.

Лада брови вздёрнула, но тут же кивнула.

– Обязательно побудем. Я вернусь через десять дней, и мы уедем с тобой в отличный пансионат. Липа, такое спа! Мы с тобой неделю будем лежать на шезлонге и болтать. Но сейчас, – её взгляд стал умоляющим, – ты отпустишь меня?

– Крутить любовь? – спросила я с улыбкой.

Лада кивнула.

– Именно так. Крутить любовь. Классно сказала.

Я кивнула.

– Поезжай.

Лада снова обняла меня. Затем отстранилась, чтобы окинуть меня внимательным взглядом.

– Тебе просто жизненно необходим новый гардероб. Я на столе тебе оставила все визитки и банковскую карту. Липа, ни в чём себе не отказывай. Рома просил передать тебе это. Он счастлив тебя отблагодарить.

– Хорошо, – согласилась я, зная, что пойти вразнос на чужие деньги я вряд ли смогу.

Мы болтали ещё минут пятнадцать, Лада давала мне какие-то дурацкие инструкции, просила особо ни с кем не разговаривать и не откровенничать, и, вообще, откровенно всех посылать. Никто не удивится.

– Я никогда ни с кем не церемонюсь, – поведала сестра. – Так что, пройдишь по магазинам, на завтра я записала тебя в салон красоты, а рядом там торговый центр с лучшими магазинами. В общем, отдыхай, сестрёнка. И зайди в солярий, – посмеялась она напоследок, уже усаживая меня в такси. – Чтобы никто потом не спрашивал у меня, откуда загар. Поняла?

Признаться, от Ладкиной болтовни у меня в какой-то момент голова закружилась. Только она умела болтать без

умолку, что собеседник терял чувство реальности. Вот я как раз и потеряла. Дух смогла перевести только, когда оказалась на заднем сидении такси, и автомобиль тронулся с места. А я обернулась, чтобы сестре рукой на прощание помахать. А до этого мы обнимались, обменивались последними замечаниями и обещаниями, расцеловались, снова что-то говорили, и вот я уже одна, в тишине, а мысли в беспорядке.

Как оказалось, Лада жила в хорошем, охраняемом доме. Это несколько удивило. Я вышла из такси рядом с кованой калиткой, огляделась. Стоянка перед домом была полупуста, что и не удивительно, середина четверга, люди на работе. Неподалёку яркая детская площадка, на которой гуляли немногочисленные мамочки и бегали их детки. Я ещё головой по сторонам покрутила, осматриваясь, потом достала из кармана магнитный ключ и прошла через калитку. Навстречу мне никто не попался, и чемоданчик мой никому в глаза не бросился. Я беспрепятственно прошла в подъезд, радуясь тому, что ни охранника, ни консьержа в этом доме не было, вызвала лифт, и спустя несколько минут уже стояла перед дверью в квартиру.

Дом моей сестры. Уже, судя только по входной двери, понятно, что он от моего отличается. Наверху слышались шаги, и поторопилась воспользоваться ключами и переступить порог.

Думаю, со мной любой согласится: находясь в одиночестве в чужом доме, чувствуешь неловкость. Вот и я неко-

торое время провела в просторной прихожей, только свет включила и осматривалась. Правда, смотреть в прихожей особо было не на что. Шкаф-купе во всю длину стены, напротив вешалка и обитая парчой скамейка. Зеркало на двери шкафа, огромное, в полный рост. Я о таком всегда мечтала.

Оставив чемодан у двери, и не забыв запереть ту на все замки, я аккуратно разулась и прошла в квартиру. Было тихо, все окна наглухо закрыты. Комнат оказалось три и все просторные, светлые. Мебель новая, шторы на окнах новомодные, дорогие, я примерно знала, сколько они стоят могут. На стенах картины, я была уверена, что авторские. Любопытно. Лада не говорила, что она ценитель искусства. А вот книг мало. Якобы книжный шкаф в углу гостиной был заставлен в основном всякими безделушками и рамками с фотографиями. Я подошла и посмотрела. На каждой Лада, в разных нарядах, но с одинаково сияющей улыбкой на губах. Я все внимательно рассмотрела, и, наконец, начала успокаиваться. Видела «себя» на этих снимках, и на душе становилось спокойнее. Я комнату осмотрела уже более воодушевлённым взглядом, потом подошла к окну, отёрнула невесомую тюль, незнакомый вид из окна, с высоты седьмого этажа интриговал. По моим прикидкам, от дома сестры до набережной было совсем недалеко, но окна квартиры смотрели в другую сторону, и кроме соседнего двора и детской площадки, из окна ничего интересного было не смотреть. Я аккуратно расправила тюль и села на диван, упав на мягкие диванные по-

душки. Руки в стороны раскинула.

А что? Кажется, отпуск намечается приятный и интересный. Я буду жить в прекрасной квартире, смогу заняться тем, что мне интересно, и мне никто не будет мешать и тянуть не в ту сторону... от памятников истории и архитектуры.

Одна из комнат поменьше оказалась полупустой. Письменный стол, шкаф для бумаг и кожаный диван. Станный набор, при этом стол был пуст и даже покрыт тонким слоем пыли. Я пальцем провела, остался след, но я решила, что бежать за тряпкой сразу неприлично. Даже если Лада об этом и не узнает. Я приберусь завтра. Я ведь должна следить за чистотой и порядком в благодарность за крышу над головой?

Зато на пороге спальни я остановилась, понимая, что это самое большое удивление сегодняшнего дня. Половину и без того просторной комнаты занимала кровать. И не просто кровать, она была белая и совершенно круглая. Я подобное если и видела когда, то только в передачах про жизнь звёзд шоу-бизнеса, соревновавшихся между собой в экстравагантности. А тут обнаружила... в доме сестры. Я подошла, разглядывала, после чего присела на край. Матрас оказался упругим, а плюшевое покрывало приятно мягким на ощупь. В изголовье набросаны подушки, а на кресле рядом сидел белый плюшевый медведь. Я оглядывалась, чуть подпрыгнула на кровати, а потом, поддавшись порыву, поднялась и распахнула дверцы стенного шкафа. И вот тут уже ахну-

ла по-настоящему, даже о круглой кровати позабыла. Потому что дверцы шкафа оказались не просто дверцами, а входом в гардеробную. Небольшую, но у меня никогда – никогда! – не было гардеробной. В которую можно было бы войти, включить свет, осмотреть полки с одеждой и нижним бельём, а напротив вешалки с одеждой, целый ряд платьев, френчей, жакетов и даже пара шуб скромно так висела с краю. А за длинным рядом одежды несколько полок с обувью. Туфли, босоножки, ботильоны, и вся обувь на высоком каблуке, на шпильке или танкетке. Я не удержалась, взяла пару лиловых босоножек на тоненьких ремешках и примерила. Даже не сомневалась, что они мне придутся впору. С вешалки сняла платье из лёгкой ткани с переливом, и приложила к себе, повернулась к зеркалу. А что, мне идёт. Только волосы наверх уложить, макияж поярче, как у Ладки, и нас ни одна живая душа не отличит.

Интересно, где она купила это платье? Очень мне понравилось.

Хотя, у Лады все платья были на зависть любой женщине. Но ведь это не главное – иметь богатый гардероб, необходимо ещё уметь всё это носить. Лада вот умеет. Да и я умею, синим чулком никогда не слыла, просто у меня не было особых возможностей и средств, чтобы позволять себе подобные излишества. И сейчас вещи сестры носить не буду. Завтра пойду по магазинам, как Лада мне и предлагала, и куплю что-нибудь радующее глаз. У меня отпускные ещё не трону-

тые.

На столе в кухне я обнаружила блокнот с заметками и указаниями, написанными рукой сестры. Поразило то, насколько они подробные. Как выяснилось, Лада записала меня не только в салон красоты, но и столик в ресторане для меня заказала на вечер, и даже на примерку какого-то платья. Рядом была приписка с мольбой пойти туда, потому что от этого зависит её работа. Об этом мы с Ладой точно не договаривались, но сейчас уже поздно было возмущаться. Рядом лежала обещанная банковская карта на имя Романа Явзы, куча всяких визиток и проспектов. Сразу понимаешь, что Лада к моему приезду готовилась, не зря зазывала столь усердно.

Правда, холодильник оказался практически пуст. Небольшой кусочек сыра и пара йогуртов, в шкафу пачка крекеров нашлась. Я сделала себе чай, погрызла крекеров, сидела у кухонного стола и смотрела то в окно, привыкая к переменам, а то рассматривала кухню, с дорогим гарнитуром гранатового цвета. Техники тоже было вдоволь, всё встроенное и хромированное. Смотрелось очень стильно.

В общем, за сестру можно было порадоваться, по всему видно, что устроилась она в жизни весьма неплохо.

Дав себе немного времени для отдыха и на обустройство в новом доме, я решила всё же дойти до магазина. Заодно осматрю окрестности. Уже собравшись выйти из квартиры, я остановилась перед зеркалом в прихожей и посмотрела на себя. Белая кофточка, узкие брючки бирюзового цвета,

цветастые балетки... Лада так вряд ли бы оделась, даже для похода в магазин за продуктами. Пришлось позаимствовать в гардеробе сестры босоножки на танкетке и яркий топ. Волосы взбить и подкрасить губы поярче. Ну вот, так я похожа на сестру.

В подъезде столкнулась с соседкой. Она открыла дверь своей квартиры как раз в тот момент, когда я собиралась войти в кабину лифта. Я голову повернула, увидела строгое лицо пожилой женщины, разглядывающей меня с явным неудовольствием, и вежливо поздоровалась. Так и сказала:

– Добрый день, – и вежливо ей улыбнулась. И только краем глаза успела заметить, что женщина удивлённо моргнула, но я уже вошла в лифт и нажала кнопку первого этажа.

На стоянке стояла белая «вольво», красавица. Но ключи от машины остались лежать на кухонном столе, я бы ни за что не осмелилась сесть за руль. Вот и сейчас перед автомобилем постояла и пошла к выходу со двора.

Чужой город интриговал, я даже не боялась заблудиться. Шла, по сторонам поглядывала, дышала полной грудью, чувствуя запах реки. Прошла довольно далеко, мимо всех ближайших магазинов, а думать могла только о том, что вечером обязательно пойду гулять на набережную.

– Девушка, можно с вами познакомиться?

В Нижнем даже люди милые и открытые. Не успела я на улице показаться, как уже познакомиться пытаются. Я обернулась, улыбнулась молодым людям, что смотрели мне

вслед. Игриво покачала головой.

Под настроение, вернувшись в квартиру, я позвонила Светке и похвастала своим отпуском и удачно сложившимися обстоятельствами.

– А завтра я обязательно пойду по магазинам!

– Специально меня дразнишь, да? – расстроилась подружка. И, наверное, чтобы мне настроение подпортить, сказала: – Валерка твой сегодня заходил. Сказал, что к шефу, а сам глазами зыркал, тебя высматривал.

Я выслушала, после чего гордо фыркнула.

– Он не мой. Он меня бросил.

Светка хохотнула.

– Как бросил, так и одумался. Ходит теперь, грустит.

– Чего ему грустить? Ему постель повышение греет. Надеюсь, не замёрзнет.

Подружка рассмеялась.

– Правильно, правильно. Приедешь, он ещё сам приползёт.

Я её мстительные планы поддержала, даже за компанию немножко позлорадствовала и повозмущалась, но на самом деле не чувствовала ни волнения, ни удовлетворения от того, что Валера, кажется, на самом деле одумался и загрустил по мне. Я же от него успела отвыкнуть, подозрительно быстро и незаметно. Наверное, потому, что особых чувств к нему не испытывала. Мы работали в одном коллективе, любили встречаться вместе по выходным большой компани-

ей, и как-то так вышло, что мы с Валерой были единственными без пары, и потихоньку начали сближаться. Болтали за обедом в кафе, после работы Валера начал подвозить меня до дома, приглашать в рестораны время от времени, с ним было приятно и даже интересно общаться. Но, признаться, я даже не могла сказать, что влюблена в него. Правда, никому в этом не признавалась. Подруги и знакомые были уверены, что у нас с Валерой настоящая любовь. Спокойная, без встрясок и скандалов, как у некоторых. Что называется «взрослые отношения». Не знаю, может, они такие и есть, но мне было... не то что скучно, просто никак. Но человек я не конфликтный, я не люблю выяснять отношения, и поэтому старалась Валеру не расстраивать. Мы встречались довольно долго, даже годовщину успели отметить. Но, наверное, Валера всё же чувствовал мою внутреннюю отстранённость, потому что, получив повышение, начал задумываться не только о работе и дополнительной нагрузке, но и о душе. А в душе у него, уж не знаю, насколько глубоко, была я. И после неловкого разговора, когда Валера пытался выяснить, как сильно я его люблю, мы и расстались. Но он сам меня бросил! Ему не понравились мои размытые ответы о чувствах и нашем совместном будущем. Случилось это около двух месяцев назад, мы за это время виделись от силы тройку раз, Валеру на повышение в другой филиал нашего банка перевели, а вот теперь выясняется, что он соскучился и высматривать меня приехал. А меня нет. Я в Нижнем Новго-

роде, на набережной гуляю.

В первую ночь я долго не спала. Сидела на застеклённом балконе, пила чай, и смотрела на тёмную улицу. Было тихо, горели фонари, а людей не было совсем. Только несколько окон в доме напротив горели. А я никак не могла заставить себя лечь в странную круглую кровать. Она казалась очень чужой. И всё думала о том, что, должно быть, Лада сейчас счастлива. У моря, рядом с любимым человеком, наслаждается жизнью. Раньше у меня не было привычки думать о сестре. Что она за человек, чего хочет и о чём мечтает, чем занимается в данный момент, как реагирует на ту или иную ситуацию. Как я или совсем иначе? В чём мы похожи друг на друга помимо внешности? Оказавшись в её доме, в её жизни, я стала присматриваться. Что-то мне нравилось, чего-то я не понимала. Например, её отношений с женатым мужчиной и той же круглой кровати. Я бы такую ни за что не купила. И интуиция подсказывала, что это лишь верхушка айсберга наших с ней различий. То есть, внешность – не показатель, мы разные. Но мне всё равно было очень интересно, хотелось узнать Ладу получше. В конце концов, она единственный мой родной человек, который не живёт за тысячи километров, в Австралии. Есть ещё её приёмные родители, мне они точно такие же родственники, но я их даже не помню, они сами не горели желанием встречаться со мной и никогда не настаивали, чтобы Лада со мной общалась, она сама об этом говорила. Когда-то поделили детей и на этом успо-

коились, наверное, до сих пор верят в свою правоту. Что ж, не мне их судить.

В общем, к середине ночи я скатилась к откровенно печальным и негативным мыслям. И почему так происходит, Луна, что ли, действует, темнота будто подпитывается человеческими переживаниями и беспокойствами. Но, в конечном итоге, я с балкона ушла, устроилась в огромной холодной постели, на краешке... как выяснилось, у круглой кровати тоже можно найти край, если постараться. Уснула не сразу, но усталость всё же взяла своё, и я смогла заснуть. Хотя, долго, казалось, бесконечно долго прислушивалась к тишине чужой квартиры.

А вот утром буквально приказала себе не думать ни о чём плохом и беспокоящем. Взяла себя в руки, улыбнулась своему отражению и даже пропела, припомнив любимую с детства сказку:

– Свет мой зеркальце, скажи, я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

Зеркало улыбалось мне в ответ моей же улыбкой, а на глаза вдруг попалась фотография Лады на полке. И я сама себе мысленно на вопрос ответила: нет, не только я.

И чтобы поднять себе настроение, решила отправиться по магазинам. Погулять по городу я успею, а вот обогатить свой гардероб совсем не мешает. Я взяла блокнот с заметками сестры, взяла визитки и клиентские карты, даже банковскую карту господина Явзы прихватила, правда, исполь-

зовать её собиралась лишь в одном магазине, название и адрес которого Лада обвела красным маркером. Значит, зайти туда нужно было обязательно.

Меня же куда больше интересовали магазины женской одежды, а не бутики. Я к ним была не приучена. На такси доехала до центра, для начала погуляла, осмотрелась, зашла в пару магазинов, приглядывалась к витринам, но больше присматривалась, чем выбирала себе обновки. Настроение исправилось, погода стояла замечательная, в преддверии выходных, город начал заполняться туристами, и я неожиданно поймала себя на мысли, что не чувствую себя приезжей. Не бегу за экскурсоводом, крутя головой по сторонам, не всматриваюсь пристально в памятники архитектуры, никуда не тороплюсь, а спокойно сижу на веранде кафе и не спеша ем вкуснейшее мороженое и пью кофе. У меня есть деньги, квартира и целая куча планов. Определённо мой отпуск удался.

До бутика с нескромным названием «Богиня», я добралась лишь через пару часов. К тому моменту в моих руках была лишь пара пакетов с покупками, и то, в одном были сплошь сувениры для себя и для подружек. А в другом лёгкий сарафанчик, который приглянулся мне в торговом павильоне по соседству. А вот любимый бутик моей сестры, хоть и располагался в том же торговом центре и даже на том же этаже, сразу бросался в глаза широтой витрин, ярким освещением и невероятно нарядными манеке-

нами на подиуме. Кстати, и продавщицы были одна к одной, все модельной внешности, одеты в одинаковую стильную униформу, и с ослепительными улыбками на худых лицах. Я минуту наблюдала за ними через стекло, делая вид, что разглядываю витрину, и только после этого в магазин вошла. Кроме меня из покупателей была лишь одна девушка, примеряла вечернее платье, и вокруг неё хлопотали сразу все продавщицы. Правда, как только над моей головой мелодично звякнул колокольчик, на меня тут же обратили внимание. И заулыбались.

– Добрый день! Как мы рады вас видеть!

Стало понятно, что я, а точнее, моё лицо, в этом магазине прекрасно известно. Поэтому я тоже улыбнулась и позволила увлечь себя в зал, ближе к выставленным в продажу нарядам, в пол уха слушая щебетание молоденькой консультантки о только что поступивших коллекциях европейских брендов. Девушка щебетала, я с интересом поглядывала на представленные модели. Надо сказать, что посмотреть было на что. Например, я мгновенно смогла представить себя в лазурного цвета платье и рукавами волной. Или вон в том игривом брючном костюме с коротеньким пиджачком. А к этому костюму в продаже имелся оригинальный клатч, с вышитыми вручную розами. Замечательная, фантастическая вещь!

Думала я, пока не глянула на ценник. Не скажу, что меня оторопь взяла, но сознание не сразу смогло переварить ко-

личество нулей. И это любимый магазин Лады? То есть, она здесь часто бывает и даже что-то покупает? А скидки и акции у них бывают? С моей зарплатой я с грехом пополам смогу приобрести это платье с девяносто процентной скидкой.

– Вам просто необходимо примерить это платье!

– Вы думаете? – в явном сомнении переспросила я.

Но девушка, наверное, решила, что я капризничаю, потому что принялась меня убеждать как-то странно.

– Конечно, вы же потом себе не простите. И вы зря сомневаетесь. Платье, что вы купили в прошлом месяце, совершенно другого оттенка! Это не просто лазурь, это холодный оттенок, на два тона темнее.

Я устала на платье. Если не думать о цене, то слова девушки о тонах и оттенках, обретают явный смысл. И когда ещё я смогу примерить платье за тысячу долларов?

Через несколько минут я стояла перед зеркалом, в самом удивительном платье, которое когда-либо примеряла, и откровенно собой любовалась. Со мной такое бывает редко, бабушка всегда учила, что внешность в человеке не самое главное, а самолюбование и вовсе порок, я это с детства заучила и усвоила, но сейчас... глядя на себя такую... можно было притвориться, что это и не я вовсе. Ладка. И это платье для неё. Оно ей подходит, ей есть, куда в нём пойти, и для кого его надеть, а я лишь исполняю её роль.

– Вы великолепны, – проговорила продавщица, и я неожиданно для себя расслышала в её голосе искренность и даже

зависть. – Вам очень идёт.

Я снова задержала взгляд на своём отражении, провела руками по бокам, разглаживая податливую ткань, и краем глаза заметила, что другая покупательница забыла про свой наряд и разглядывает меня.

Кто бы знал, как мне жалко было снимать это платье! Но расстроиться мне не дали, девушка лучезарно улыбнулась, когда я вернула ей наряд, и заявила:

– Сейчас мы его упакуем. Заберёте или доставить домой?

Я смотрела на неё в прострации, кажется, никто кроме меня самой не сомневался в том, что я его куплю. Просто улыбнусь, достану банковскую карту и оплачу. Лада, видимо, так и поступает. И я, после секундного колебания, всё это и проделала. Правда, голос мой, когда я сказала:

– Спасибо, заберу сама, – едва заметно дрогнул.

Чёрт, тысяча долларов! За платье! Светка умрёт, когда я ей расскажу.

– Благодарим за покупку, – сладко улыбнулись мне напоследок. – Мы вас всегда ждём!

– Спасибо. – Я вцепилась в ручку фирменного пакета и поторопилась покинуть магазин, пока мой взгляд не остановился ещё на чём-нибудь притягательном, за пару тысяч долларов.

Сердце бухало в груди так сильно, будто я это платье украла. Из торгового центра я вышла и принялась оглядываться. Необходимо было успокоиться, а то я каждые десять секунд

опускаю глаза к пакету с баснословной покупкой в своей руке. И вот тут я и вспомнила про салон красоты. Самое то для успокоения.

Салон оказался неподалёку. Кажется, Лада предпочитала далеко от центральных улиц не удаляться. Я прогулялась, изучая вывески и номера зданий, сердце скакать перестало, и я смогла перевести дыхание. И в салон вошла со спокойной улыбкой. Меня встретила девушка и сходу разулыбалась. Я только успела поздороваться и начать:

– У меня запись... – как она обрадовалась:

– Олимпиада Викторовна, очень, очень Вам рады.

Секунду-другую я переваривала своё удивление, затем решила, что это Ладка постаралась, сообщила в салоне моё имя. Но девушка настолько воодушевлённо улыбалась, что это поневоле вызывало настороженность.

– Принести Вам что-нибудь? – спросила администратор, провожая меня в зал.

Я оглядывала интерьер, потом кивнула.

– Если можно, чай.

– У нас есть жасминовый. Он вам нравится, я помню.

Она проводила меня до кресла и убежала, а я обернулась ей вслед. Ерунда какая-то.

Парикмахер, что появилась через пару минут, тоже улыбалась уж чересчур душевно. Чужим так не улыбаются, согласитесь. И поздоровалась, моё имя легко слетело с её губ, что тоже довольно странно. Обычно незнакомые люди, при

знакомстве, округляют глаза и произносят что-то вроде:

– О, Олимпиада. Какое оригинальное имя.

А девушка широко улыбнулась и выдала:

– Олимпиада Викторовна, рада Вас видеть.

Я настороженно наблюдала за ней через зеркало. Затем сухо поинтересовалась:

– Правда?

Девушка на мою настороженность внимания не обратила, остановилась за моей спиной, коснулась моих волос.

– Волосы как отросли, надо же. И блеска не хватает. – Мастер воодушевлённо улыбнулась мне и заверила: – Сейчас мы всё поправим.

Я наблюдала за её действиями. Она накрыла меня пеньюаром, приготовила ножницы, расчёски, что-то рассказывала о новой серии средств по уходу за волосами, не забывала улыбаться, а я... никак не могла справиться с беспокойством. Хотела даже спросить, но в последний момент решила, что прозвучит мой вопрос весьма глупо.

– А когда вы в последний раз меня, Олимпиаду Викторовну, рады были видеть?

Путано получается. А объяснить я точно не смогу. Поэтому промолчала. Всё ждала, что девушка сама скажет что-то, что меня успокоит, объяснит. Упомянёт Ладу.

Когда я взглянула на себя в зеркало спустя час, поняла, что я стала полной копией сестры. Теперь у нас даже причёски идентичны. Волосы стали немного короче, причёска вы-

глядела дерзко и игриво, и обещанный блеск появился. И я была бы довольна результатом, если бы не парочка возникших за последний час сомнений. Но мастера поблагодарила, улыбнулась как можно доброжелательнее, правда, от маникюра и посещения косметолога категорически отказалась. Меня не покидало ощущение, будто что-то не так. На меня смотрят не так, со мной говорят не так, делают со мной что-то автоматически, не спрашивая моего мнения или согласия, будто уже знают, как нужно. Вот, например, стрижка. Меня просто взяли и подстригли, как сестру. Поэтому я поторопилась сбежать. Расплатилась банковской картой, подхватила свои пакеты с покупками и салон красоты покинула. На пороге даже захотелось трижды сплюнуть через левое плечо, будто меня сглазить там могли.

Неприятные ощущения.

Вернувшись в Ладкину квартиру, я отнесла пакеты в спальню, потом присела на кровать и сидела пару минут, в тишине, не двигаясь и раздумывая. Сама себя успокаивала, убеждала, что ничего особо странного и не произошло, просто интуиция неожиданно взбунтовалась. И теперь её нужно успокоить. Как-то. Со мной случаются подобные приступы подозрительности, обычно они заканчиваются ничем, проходят сами собой, как только я осознаю, что попросту запугала себя, и беспокоиться на самом деле не о чем. Но для этого необходимо предпринять что-то. Например, в данной ситуации, позвонить сестре и спросить, как есть.

Но Лада на мой звонок ответить не пожелала. Точнее, номер её оказался заблокирован. Я слушала механический голос, после чего телефон отключила и в досаде кинула его на постель. Ну, Ладка, совсем свихнулась со своей любовью. Отправилась на тропические острова и, по всей видимости, полностью оторвалась от цивилизации. А я за неё отдувайся!

Но помимо сестры можно было ещё и на себя рассердиться. Зачем мне понадобилось ввязываться в её враньё? Сидела бы сейчас дома, и меня не мучили бы сомнения и подозрения. А ещё беспокойство. Не люблю, когда я чего-то не могу понять и проанализировать. И бесполезно говорить себе о здоровой доле авантюризма, которая должна быть присуща любому человеку. И когда я засобиравалась в Нижний Новгород, следуя призывам сестры, я собой в какой-то мере даже гордилась, откопав глубоко внутри каплю того самого авантюризма. И оказаться в незнакомой квартире, одной, в огромном городе, казалось интригующим, было похоже на приключение, которых в моей жизни никогда не случалось. И вот, как говорится, приехали. Я сижу в тишине чужой квартиры и ругаю себя. А ещё хочу домой.

Я ещё пару раз набирала номер сестры, но тот отзывался не гудком, а сухой информацией о том, что данный телефонный номер больше не обслуживается. Надо думать, что из-за того, что Ладка забралась к чёрту на рога, в желании скрыться от благоверной своего ухажёра. Но беспокойство во мне продолжало требовать действия, и, промучившись до вече-

ра, я решила сходить в ресторан. «Выгулять» своё новое платье. Была, не была. Но если не выйду из дома, снова до пред-
рассветных сумерек буду сидеть на балконе и ломать голову
над происходящим.

Решив не мучиться ещё и выбором ресторана, я отпра-
вилась по адресу, что мне Лада оставила. Заведение носило
скромное название «Сапаре», но в реальности всё выглядело
весьма солидно. Двухуровневый зал, стильное оформление,
французские окна и шторы из лёгкой, летящей ткани. В за-
ле в изобилии живая растительность, витал приятный све-
жий цветочный аромат, а проворные официанты были одеты
в жилетки и бабочки цветочного принта. Смотрелось весь-
ма оригинально, в этом ресторане на самом деле хотелось
присесть и отдохнуть. И поэтому я внутренне расслабилась
и позволила проводить себя к столику у окна. В зале было до-
статочно посетителей, не смотря на только что начинающий-
ся вечер, негромко играла музыка, и время от времени слы-
шался звон бокалов, что создавало праздничную атмосферу.
Я смотрела на людей, понимала, что им приятно и comfort-
но, и даже улыбаться начала. Решила заказать себе бокал ви-
на. Официант подоспел тут же, и, к моему удивлению, уже
с бокалом шампанского. Улыбнулся мне. Я же поблагодари-
ла негромко, решила похвалить.

– Вы предугадали моё желание. Спасибо.

Молодой человек, на вид ему было лет двадцать, брюнет
с милой улыбкой, интригующим шёпотом мне сообщил:

– Это не я. Это Альберт Петрович. Просил передать, что вы сегодня великолепно выглядите. Приятного Вам вечера.

Пока я сообщала, он уже выпрямился и отошёл к соседнему столу. А я в растерянности проговорила себе под нос сам собой напрашивающийся вопрос:

– Кто такой Альберт Петрович?

Но официант не услышал, не обернулся, и мне пришлось снова крутить головой, высматривая дарителя. Тот нашёлся, не сразу, но, судя по тому, что именно этот мужчина за центральным столом в данный момент салютовал мне своим бокалом с виски, презент был именно от него. Полноватый, с заметными залысинами и самой холёной физиономией, которую я когда-либо у кого-либо видела, усмехался, после чего даже подмигнул. Меня успокаивало то, что рядом с ним сидели две молодые девушки, и его интереса к моей персоне надолго не хватило. Но я успела улыбнуться ему в знак благодарности. Взяла бокал.

Кажется, у моей сестры на самом деле бурная общественная жизнь. И сюда она меня послала именно для того, чтобы меня все увидели. Что ж, ресторан мне понравился, сейчас опробуем кухню, но даже если готовят здесь царские яства, больше я сюда ни ногой. Выясняется, что от того, что меня принимают за сестру, а мне приходится ею притворяться, я сильно нервничаю.

Я суетливым жестом откинула за спину волосы, сделала ещё глоток шампанского и мысленно поторопила повара.

Я бы не отказалась прямо сейчас поужинать и уйти.

На небольшой сцене появились музыканты, начали настраивать инструменты, я отвлеклась на них, что помогло скоротать время до того, как принесли салат. Чувствовала я себя крайне неловко. Во-первых, я была единственной, кто сидел за столом в одиночестве, а во-вторых, меня не покидало ощущение, что меня разглядывают. А когда я старалась вычислить, кто именно, становилось только хуже, потому что смотрели, судя по всему, многие.

– Я принесу вам вина, – услужливым голосом проговорил официант, в очередной раз подойдя ко мне.

Я кинула на него подозрительный взгляд и отказалась.

– Нет, спасибо. Лучше минеральной воды.

Молодой человек на одну секунду перестал улыбаться, всмотрелся в моё лицо. Уточнил:

– Воды?

– Да, – твёрдо проговорила я. – Воды. Без газа.

Он коротко кивнул, отошёл от моего стола, а я почему-то смотрела ему вслед. И увидела, как официант сразу от меня подошёл к центральному столу, наклонился к тому самому типу, с залысинами, и что-то шепнул тому на ухо. Мужчина выслушал, после чего хмыкнул. Я не услышала, увидела, как он поджал губы, вздёрнул брови, а затем посмотрел в мою сторону. Мы встретились взглядами, и я поторопилась отвернуться. Приказала себе не краснеть.

– Ваша вода. – Уже через минуту передо мной поставили

бокал.

– Спасибо, – проговорила я и невольно отпрянула, когда из-за спины официанта появился Холёный и уселся за стол напротив меня. Посмотрев на него вблизи, становилось понятно, что ему хорошо за сорок. И от его холёности с такого расстояния попросту рябило в глазах. А ещё от дороговизны костюма и блеска бриллиантовой булавки на галстуке.

Официант тут же растворился, а я осталась с незнакомцем с глазу на глаз. Мужчина же мне улыбнулся, но не скажу, что душевно. С такой улыбкой не подходят знакомиться с девушкой, это точно. И заговорил он со мной, как со старой знакомой. Улыбнулся понимающе, но глаза смотрели колко.

– Что, неймётся?

Я головой качнула.

– Простите?

– Говорю, выглядишь хорошо. Королева, да и только.

Пришлось кивнуть.

– Спасибо. – Приходилось напоминать себе, что я это не я, что нужно изображать сестру. И «простите» в образ Лады вряд ли вписывается. Я плечи расправила, подбородок вскинула, а на мужчину взглянула свысока. Насколько умела это делать, так и постаралась.

– Я, кажется, просил тебя здесь не появляться. Помнишь?

– Я просто зашла поужинать.

– Просто зашла? В таком платье?

Я провела ладонью по своему бедру, по ткани платья.

Мужчина не мог этого видеть, я сделала это для себя и неосознанно.

– Новое. Подошёл бы любой повод его надеть.

– Я теперь стал «любимым поводом»? – Он откровенно ухмыльнулся, а взгляд спустился на мою грудь. – Даже обидно.

Я глаза отвела, чтобы он не заметил растерянность в моём взгляде. Я старалась поскорее осмыслить его слова и явный намёк. Во что Ладка меня втянула?

А мужчина тем временем подался вперёд, на край стола облокотился. Продолжал смотреть на меня, потом спросил:

– Ромка вернулся?

Я соображала. Господи, как же трудно врать!

– Нет, – ответила я, в конце концов.

Холёный усмехнулся.

– Я так и подумал. Иначе ты бы сейчас сидела рядом с ним и любимому носки вязала.

– Кроме язвительности я ничего не слышу, – порадовала я его.

– О, как мы заговорили. Почувствовала свою силу?

Я гордо молчала. Хотя, попросту не знала, что сказать.

– Зря ты так. Не надо портить отношения с тем, кто при необходимости может тебе помощь оказать.

– Какую именно помощь?

Холёный руками развёл и с особым удовольствием на меня поглядывая, проговорил:

– Любую. Но тебе ведь не нужна любая, тебе всегда нужна

финансовая.

– Это какой-то бессмысленный разговор, – пожаловалась я.

– Почему бессмысленный? Липа, солнышко, ты знаешь, что я всегда готов... к твоей благодарности. И когда Ромка тебя пинком под зад выкинет, я буду готов купить тебе пару новых платьев.

Я смотрела на него и молчала. Потом с трудом сглотнула. Молчать и дальше было странно, и поэтому я тихо проговорила:

– Обойдусь.

– Ой, не зарекайся. – Его нога под столом коснулась моей ноги, с явным намерением, и я поторопилась отодвинуться. А сама никак не могла глаз от его лица отвести. Мужчина усмехнулся, из-за стола поднялся, остановился рядом со мной. Загораживал меня ото всех своей тушей, потом чуть качнулся в мою сторону, я едва сдержалась, чтобы не пихнуть его в живот. А он меня разглядывал сверху. – И почему красивые бабы всегда такие суки, как ты, не знаешь?

– Это вам природа мстит, – ответила я.

Повисла пауза, я в какой-то момент не выдержала, голову подняла и посмотрела ему в лицо. Холёный казался немножко обескураженным, но, в итоге, он усмехнулся, после чего сказал:

– Ужинай, красавица. А потом сделай милость, иди до-

мой. Не хочу, чтобы твой полоумный ворвался ко мне с взвodom своих головорезов. И заплати за ужин. Я пока злой.

Он отошёл, я же отвернулась ото всех, чувствуя, как от напряжения каждую мышцу сводит. Сунула руки под стол и стиснула их.

– Олимпиада Викторовна, десерт?

Я зажмурилась. Пришлось сделать пару коротких вдохов, чтобы хоть как-то с собой справиться. Повернулась к молоденькому официанту, качнула головой.

– Нет, спасибо. Счёт.

Когда я забирала банковскую карту, моя рука дрожала. Я сунула её в сумку, торопливо поднялась из-за стола и кинулась прочь из ресторана.

Произошедшему не было никакого разумного объяснения. Было одно неразумное, мол, Ладка по какой-то причине назвалась моим именем. Раз или два. Но лично мне подобное казалось диким. Хотя, если вспомнить этого неприятного холёного господина, с господскими замашками, я могла понять, почему сестра не захотела с ним знакомиться под своим настоящим именем, но, по всей видимости, они встречались далеко не один раз.

Но причем тут я? Почему моим именем?

И какого чёрта она отправила меня в этот треклятый ресторан?!

«Чтобы тебя увидели», подсказал мне внутренний голос, намекая на свою мудрость и понимание ситуации. Внутренний голос жил в обнимку с интуицией, и они на пару бунтовали в последние несколько дней. А я от них старательно отмахивалась. И довела ситуацию до того, что сейчас стою посреди улицы, не в силах сообразить, что предпринять.

– Олимпиада Викторовна, вам такси вызвать?

Я дёрнулась, обернулась за своё плечо и увидела рослого парня в чёрном, не слишком презентабельном костюме. По-видимому, охранник. И он тоже обратился ко мне по имени.

Убью Ладку, решила я.

А в данный момент покачала головой.

– Нет, спасибо. Я пройдусь.

– Пройдётесь? – переспросил охранник и присмотрелся ко мне внимательнее. – Не думаю, что это хорошая идея. Роман Евгеньевич явно не одобрит.

Мне очень хотелось сказать ему, что Роман Евгеньевич в данный момент обзаводится ровным тропическим загаром и ему не до меня, и на самом деле едва заставила себя смолчать. Махнула парню рукой и направилась по тихой улочке в сторону шумевшего вечерней суетой проспекта. Шла твёрдым шагом, чтобы казаться уверенной и спокойной. В том случае, если за мной продолжают наблюдать. Но на самом деле мне бежать хотелось, сломя голову. Добраться до сестры и придушить ту.

В какой-то момент я поняла, что не знаю, куда иду. Пересекла проспект, не обращая внимания на чужие взгляды, а их было немало. На меня никогда откровенно много внимания не обращали, а тут видимо мой дорогой наряд взгляды притягивал. А я шла и шла вперёд, пересекла шумную улицу, площадь, свернула в первый попавшийся переулок, и, совершенно неожиданно для себя, совсем скоро оказалась в большом сквере, среди праздно шатающихся и отдыхающих людей. Сгушались сумерки, на кронах деревьев зажглись запутавшиеся в листве лампочки, неподалёку слышалась живая музыка. Люди отдыхали после рабочей недели, пахло кофе и выпечкой. А я дошла до свободной скамейки и тяжело на неё опустилась. Ноги не держали, но повинны в этом бы-

ли туфли сестры, а не моя мгновенно расшатавшаяся нервная система. Я вытянула ноги, сложила руки на груди и стала смотреть в одну точку. Сказать, что я была зла, значит, ничего не сказать. Я не понимала, как Лада могла, и что ей такое взбрело в голову, пользоваться чужим именем. И совершенно неважно, что мы сёстры и даже близняшки. Это моё имя!

Через полчаса стало ясно, что я завтра же уезжаю домой. Не собираюсь я её ждать, а уж тем более прикрывать. Кстати, я ещё сильно подумаю, хочу ли я вообще с ней общаться после таких фокусов!

Но до сестры я всё же постаралась дозвониться. Объяснения получить хотелось. Очень хотелось, но Ладкин номер был по-прежнему отключён. Этому можно было найти объяснение, но я не хотела их находить, я хотела от сестры объяснение получить!

Всю ночь я ворочалась, не спала, почему-то вспоминала физиономию Холёного, тон нашего разговора, от этого переживала, и спать не могла. А утром, набрав ещё раз номер сестры и удостоверившись, что она по-прежнему недоступна, решилась, наконец, залезть в её шкаф для бумаг. До этого утра я даже помыслить о подобном не могла. Это был чужой дом, чужая жизнь, чужие документы и фотографии, но сейчас меня больше беспокоили собственные переживания, чем право на Ладкину частную жизнь.

Я открывала все ящики и дверцы подряд, проглядела кое-какие бумаги, но нигде имён указано не было. Какие-то по-

купки, безымянные сертификаты, целая стопка глянцевого журналов за начало года. Зачем их хранить?

Фотографии, в рамках и без, на каждой Лада, и на каждой с ослепительной улыбкой. На некоторых снимках рядом с ней разные мужчины, кого-то она обнимала, с кем-то просто стояла рядом. Потом мне попала папка с рекламными фотографиями. На них Лада выглядела неземной красавицей, словно голливудская звезда. Даже если принять во внимание тот факт, что над этими фотографиями поработал фотешоп, мне было очень трудно поверить, что и я могу так выглядеть. Так сверкать. Мне всегда казалось, что я проще, светлее, спокойнее. А от этих снимков током бьёт.

Не сделав ни одной толковой находки в гостиной, я осмотрелась в спальне, после чего прошла в третью комнату. Она казалась не жилой. Только вместительный книжный шкаф в углу и письменный стол у окна. Все ящики оказались заперты, я подёргала за ручки без всякого толка, потом попыталась открыть стеклянные дверцы шкафа, но они тоже, как выяснилось, запирались на ключ. Я остановилась, в раздражении глядя на своё отражение в стекле, руки в бока упёрла. Размышляла, есть ли у меня право что-то в этом доме владеть. Я склонялась к мысли, что моральное точно есть, а вот что касается законных оснований... Кто знает, что Лада под замком прятать может?

К чёрту всё, решила я в конце концов. Нужно ехать домой и больше обо всём этом не думать!

Чтобы успокоиться, я решила выпить кофе, всё-таки только десять утра, а я к этому времени всю квартиру обыскать успела. А затем позвоню на вокзал и закажу билет. Всё равно – на поезд, на автобус, но к вечеру я буду дома.

Я сварила кофе, достала из банки пару печенин и присела за столик у окна. Успела сделать только один глоток и печенье в кофе макнуть, как услышала хлопок входной двери. Она просто хлопнула, затем послышалось бряцанье ключей и вновь тишина. А я даже не знала, что почувствовала в этот момент. Сначала оторопь, но затем меня захлестнуло облегчение оттого, что вот сейчас я всё узнаю, а заодно и выскажу сестре, и на фоне этого я вновь возмутилась не на шутку. Вскочила, так и не вынув печенье из чашки с кофе, и кинулась в сторону прихожей. И даже пригрозила на ходу, не сдержав эмоций:

– Я тебя убью!

Вывернула из-за угла и остановилась, увидев незнакомого мужика. Потом поторопилась отступить, продолжая его разглядывать. Он был... весьма внушительен. Что ещё сказать про здоровенного под два метра ростом мужика с суровым лицом и цепким взглядом? Я только таращилась на него, не зная, как мне себя вести. А он меж тем остановил на мне подозрительный взгляд, ощупал меня им, мне казалось, что я физически его ощущаю, и я, на всякий случай, ещё на шаг отступила. А мужчина глубоким голосом, едва ли не басом, спросил:

– За что?

Я в полном потрясении моргнула. Вдруг поняла, что у меня пропал голос, и поэтому лишь головой мотнула, сама не понимая, что это означает. С языка рвался вопрос:

– Вы кто? – но я язык себе прикусила и лишь продолжала в страхе тарашиться. Даже моргать перестала.

А мужчина сделал несколько шагов, наступая на меня, и я в панике сбежала в гостиную, продолжая от него пятиться и отступать.

– Я тебя спросил: за что ты меня убить собираешься? Или ты не меня ждала? – сказал он. Вошёл в комнату и огляделся. Я видела, как он нахмурился. Лицо, будто высеченное из камня стало ещё суровее, брови сдвинулись, а огромная рука поднялась и легла на бритую по военному макушку. Видимо, это означало степень крайней озадаченности. Взгляд тёмных глаз скользил по комнате, я тоже быстренько осмотрелась, не понимая, что его так удивило. Но я почти тут же вернулась к незваному гостю. Мне покоя не давал его рост, широкие плечи и накачанные руки, этот экземпляр точно мог посоревноваться со многими спортсменами в силовых видах спорта. Но он вряд ли был спортсменом, судя по одежде военного образца. Ни погон, ни каких-либо нашивок и знаков отличий я не заметила, но это был камуфляж, без сомнения.

Мужчина тем временем от меня отвернулся, прошёлся по гостиной.

– А я смотрю, ты времени даром не теряла, – сказал это и на меня глазами так страшно – зырк.

Я молчу. Молчу, как рыба об лёд.

– И так понимаю, что ждала ты не меня. Не стыдно, родная?

Я завела руки за спину, уцепилась большими пальцами за карманы на джинсах, смотрела, куда угодно, но не на него. А мужчина снова ко мне подошёл, и уставился на меня с высоты своего роста, буквально пробуравил взглядом.

– Не успел муж за порог, так ты все его вещи из квартиры выставила. Так?

Вот тут я уже молчать не могла. Голову назад немного откинула, чтобы в лицо ему смотреть, и выдохнула:

– Какого мужа?

Я только видела, как он в момент потемнел лицом, глаза налились кровью, а рот скривился. И этот субъект рывком прямо мне в лицо:

– Ты совсем охренела, Липа?

У меня подкосились ноги. Я с трудом сглотнула, посмотрела за свою спину, увидела там кресла и поторопилась к нему шагнуть. В голове ни одной мысли, только тяжесть, а в груди сердце колотится.

Мужчина на меня смотрел, уличающе, с прищуром, затем рывком дёрнул ворот рубашки.

– Если бы не сутки за рулём, я бы тебя прямо сейчас к стенке поставил, дрянь такая, – проговорил он вполне угро-

жающе. — Позорить меня на весь город! — Я голову подняла, посмотрела на него, а он, видимо, решил, что я спорить собралась, и ткнул в меня пальцем. И посоветовал: — Молчи. Я с тобой потом разберусь. Приготовь мне завтрак.

Он из комнаты вышел, на ходу стаскивая рубашку, а я смотрела ему вслед, понимая, что если этот детина соберётся со мной разбираться, то много времени у него это не займёт.

Я могла сбежать. Вот пока он принимает душ, я могла схватить свою сумку и сбежать. И я почти это сделала. Остановилась только у входной двери, с сумкой и сунув ноги в свои балетки, мысленно плюнув на чемодан и вещи в нём. За ручку двери взялась и остановилась, приложила лбом к прохладному дерматиону. Сказала себе:

«Успокойся и подумай. Это всё неспроста. Этот тип называет меня моим именем и говорит, что он муж. Чей муж? Мой?!».

Что-то подсказывало, что от этого не сбежишь. Надо разобраться в том, что происходит.

Я развернулась, привалилась к двери спиной, борясь с сомнениями. На вешалке висела куртка, так же военного образца.

Я руку протянула, ощупала её. Во внутреннем кармане явно был бумажник. Положив свою сумку на тумбочку, я без зазрения совести впервые в жизни залезла в чужой карман. В руках оказалось дорогое портмоне, в нём права, несколько страниц с визитками, и приличная, на мой взгляд, сумма

денег. Но деньги меня не интересовали, я на права смотрела. На них была фотография, и на ней, без сомнения, тип, который в данный момент в этой квартире душ принимал. А рядом значилось имя: Явза Роман Евгеньевич. 1979 года рождения.

Я ведь не ошибусь, если скажу, что, по словам моей сестры, именно с этим человеком она отправилась отдыхать в тёплые страны, испытывая к нему особые чувства? Я отлично помню: Явза Роман. Явза, как она его однажды назвала. И банковскую карту, что она мне оставила – на это же имя.

Я сползла вниз и присела на корточки. Глаза закрыла. Жалко паспорта нет, я бы штамп проверила.

Ну, какой штамп? Одно дело назваться чужим именем, а совсем другое – выйти замуж под другим именем. Как такое проверить можно?

Поэтому нужно взять себя в руки, не сбегать, а остаться и всё прояснить. Попытаться объяснить этому... Роману Евгеньевичу, что мы, как я понимаю, оба попали в нелепую ситуацию. В которой необходимо досконально разобраться. А Ладке после хорошенько дать по шее.

Чтобы чем-то занять свои дрожащие от волнения руки, я отправилась на кухню. Меня попросили приготовить завтрак, между прочим, как жену попросили, первый раз в жизни. Я всегда думала, что это особые ощущения в душе вызовет, а у меня губы трясутся, и руки отказываются действо-

вать. Взбивала яйца для омлета и чертыхалась время от времени, губы кусала. А когда услышала своё имя, вздрогнула.

– Липа.

Я обернулась через плечо, посмотрела на Романа Евгеньевича. После душа он выглядел посвежевшим, в чистой футболке и с выбритой физиономией. Но более добрым или презентабельным не стал. И продолжал хмуриться.

– Где мои вещи?

Я рассерженно выдохнула и ответила честно:

– Понятия не имею.

Он голову склонил, подбородок вперёд выдвинул.

– Ты серьёзно? Я думал, ты успокоилась.

Я вылила яйца на сковороду, масло зашкворчало, а я сунула грязную миску в раковину. А руку упёрла в бок. Не знала, что ему сказать. Если честно, то даже смотреть на этого типа мне не хотелось. Я перестала понимать, что делаю здесь. Зачем мне это, вообще, нужно? Я могла бы уехать домой. Разозлиться или расхохотаться ему в лицо, хлопнуть дверью и уйти. А я вместо этого жарю омлет и переживаю.

– Липа. – Его голос стал странно медоточивым, и пока я удивлялась, он уже шагнул ко мне и попытался обнять. Я отскочила, как ужаленная, в угол вжалась и взглянула с ужасом. А Роман Евгеньевич на меня взглянул и откровенно закатил глаза. И вновь выдал, на этот раз с надрывом: – Липа!

– Хватит повторять моё имя! – потребовала я.

А он разозлился.

– Меня не было три недели! Ты могла бы мне хоть немного обрадоваться?

– А обычно радуюсь?

Он саданул кулаком по стенке буфета, а я глаза вытаращила.

– Я твой муж! – рыкнул Роман Евгеньевич.

Мы уставились друг на друга, оба злились и присматривались, а я решила задать интересующий меня вопрос.

– Давно?

– Что давно?

– Давно мы... женаты?

– Ты издеваешься надо мной?

– Нет.

Он прищурился.

– Ты хочешь развода? Даже не думай. Если хочешь знать, я тоже не восторге от нашего брака, но развод ты не получишь!

– Почему?

– Почему? – Роман Евгеньевич руками взмахнул. – Потому что! Потому что никто не разводится через три месяца! Потому что мы не для этого свадьбу на полгорода гуляли!

– Свадьбу?

– Липа, ты специально меня выводишь?

– Нет! – выкрикнула я ему в лицо. Вдруг поняла, что пахнет подгорающим омлетом, поторопилась выключить газ. Ткнула пальцем в сковороду. – Ешь.

Я из кухни вышла, остановилась в коридоре, чтобы мой новоявленный супруг не смог меня видеть, и прислонилась спиной к стене. Он за мной не пошёл, но я не слышала ни звука. Наверное, он тоже просто стоял и думал. Я осторожно из-за угла выглянула и смогла увидеть широкую спину и бритый затылок. Послал же Господь, честное слово. Потом послышался шумный вздох, и я снова поторопилась скрыться. Но уже через минуту решила вернуться на кухню. Какой смысл стоять за углом?

На звук шагов Роман Евгеньевич обернулся, глянул на меня настороженно, явно не зная, чего ожидать. А я проскользнула мимо него к плите.

– Я накрою на стол. Садитесь.

– Садитесь?

Я упорствовала.

– Я вас покормлю. А потом мы поговорим.

– Интересное кино.

– Вы будете завтракать или нет?

Он с шумом отодвинул стул и сел. Демонстративно. Глаз с меня не спускал. Я старалась не обращать внимания, вообще на него не смотрела, накрывала на стол, уже успев изучить, что и где стоит на этой кухне.

– Раньше я не замечал за тобой подобных идиотских наклонностей, – проговорил Роман в какой-то момент. Видимо, когда ему надоело молча буравить меня взглядом.

– Каких? Завтрак готовить?

– Не ёрничай. Ты выбросила из дома все мои вещи, теперь начинаешь мне «выкать». Что за ерунда, Липа?

Мне пришлось зубы сжать.

– Я ничего не выкидывала.

– Серьёзно? В доме даже трусов моих нет!

Я невольно качнула головой.

– Я ничего об этом не знаю.

– Нас обокрали? – Он откровенно ухмыльнулся.

– Я, вообще, ничего о ваших вещах не знаю! – Я, наконец, поставила перед ним тарелку с омлетом и демонстративно положила перед ним вилку.

– Если я узнаю, что ты... замену мне нашла, то тебе явно не понравится...

– Перестаньте мне угрожать, – потребовала я, хотя находилась на грани истерики. – Мне, в принципе, ничего не нравится! Всё, что происходит!

– Не нравится? А, помнится, нравилось! – повысил он голос, и тон его сочился от ехидства. – Или не столько я, сколько деньги?

Я глаза закрыла, всего на секунду. Заставила себя дыхание перевести, а затем продолжить спокойно и по делу.

– Насколько я понимаю, есть вы не собираетесь. Что ж, наверное, это к лучшему. Нам нужно серьёзно поговорить. И выяснить... что, вообще, происходит.

Роман Евгеньевич деловито покивал.

– Да, знаешь ли, хотелось бы.

Не обращая внимания на его сарказм, я старалась сохранить серьёзность. И даже за стол присела, напротив Романа Евгеньевича. Почему-то мне нравилось повторять про себя его имя. Сам господин Явза ни доверия, ни воодушевления своей персоной не вызывал.

Я села, руки на столе сложила. Мысленно подбирала слова.

– Роман Евгеньевич. – Он заинтересованно вздёрнул брови, но я решила это проигнорировать. – Я даже не знаю, с чего начать. Наверное, потому, что сама не понимаю, что происходит. Сложилась странная, непонятная, я бы даже сказала, абсурдная ситуация. Дело в том, что вы, судя по всему, принимаете меня за другого человека.

– Наверное. Думал, меня дома жена ждёт, а тут полный...

Я руку вскинула, предупреждая нецензурное словечко, и Роман промолчал.

– Выслушайте меня. Вы правы: меня зовут Липа. Олимпиада Викторовна Смирнова. Но я не ваша жена. У меня, вообще, мужа нет.

– Это какая-то ролевая игра?

– Это правда! – Я даже ребром ладони по столу стукнула. – Вот то, что есть! Я приехала в этот город два дня назад, потому что меня сестра попросила. Точнее, пригласила! А я, как я сейчас понимаю, как последняя дура, согласилась. Мне ещё вчера стало ясно, что происходит что-то странное, меня все называют моим же именем.

Роман меня разглядывал. Затем осведомился:

– Родная, ты бредишь?

– Да нет же! Ну, как вам доказать?

– Не знаю. Можешь раздеться, я на тебя посмотрю. Сравню с тем, что помню.

Я лишь поморщилась от подобного предложения.

– Я пытаюсь говорить с вами о серьёзных вещах, а вы?..

– А я женатый мужик, который три недели жену не видел.

– Я вам не жена!

Роман вздохнул, взял вилку и стал есть. Наверное, мои «бредни» его не впечатляли. Жевал, я наблюдала за ним, а он сказал:

– Вещи надо привезти назад. Развода не будет.

– Конечно, его не будет! – в гневе выдохнула я. – Потому что мы не женаты! Я вас первый раз в жизни вижу! А, поверьте, вас бы я не забыла!

– Что так?

– Такое не забывается, – проговорила я, отворачиваясь от него.

– Я так понимаю, что это не комплимент?

– Вы правильно понимаете, – кивнула я.

– И что дальше?

– Дальше?

– Ну, ты так интересно рассказывала. Дальше видимо будет про аварию и полный ушиб мозга? – Он вдруг озабочено нахмурился, глядя на меня. – Липа, ты попала в аварию?

– Нет. И меня даже по голове не били. И я прекрасно всё помню. Свою жизнь знаю досконально. Со всеми её скучными подробностями. Помню, как меня в отпуск на работе провожали три дня назад, как я на автобусе в Нижний ехала, как Ладку провожала. – Роман Евгеньевич смотрел на меня в полной прострации, и я от бессилия взывала. – Я её убью. Как увижу, так и убью. Втянуть меня в такое. И мужа своего подкинуть!

– Что за Ладка?

– Сестра моя! Судя по всему, вам повезло на ней жениться! С чем вас и поздравляю, кстати!

– На Ладке?

– На самом деле, её зовут Клавдия. Но она терпеть не может это имя, и просит называть её Ладой.

– Чего только на свете не бывает, – покачал Роман головой. – Омлет вкусный.

– Спасибо. Лада такой готовила?

– Сегодня просто меньше подгорел.

Мне захотелось его ударить. И чтобы куда-то деть свою энергию и злость, я из-за стола поднялась и заходила по кухне. Чувствовала мужской взгляд. К моему неудовольствию, Роман Евгеньевич заметно успокоился и теперь поглядывал на меня с насмешкой. Видимо, пришёл к мнению, что «жена» перед ним разыгрывает какой-то спектакль. И он уже с интересом ожидает развития сюжетной линии.

– Хорошо, давайте вернёмся к вашей жене, – решила я,

переведа дыхание.

– Давай, – согласился он.

– Поверьте, это не я.

– Ещё бы. Совсем не похожа.

– Мы с Ладой близняшки. Одноййцевые близнецы, понимаете? Мы идентичны. Слава Богу, только внешне.

– Индийское кино.

– Это не индийское кино! Я прихожу к выводу, что это детектив! Господи, да что я с вами разговариваю? – Я побежала в прихожую, принесла свою сумку и принялась искать в ней паспорт. Роман за мной наблюдал, а когда я протянула ему документ, его взгляд стал настороженным, я заметила. Он паспорт у меня взял, открыл, посмотрел на фотографию. Потом на меня. Сверял, что ли? А я, не выдержав, ткнула пальцем в свой же паспорт. – Вы видите?

– Что? Смирнова Олимпиада Викторовна. Третье июля 1988 года, родилась в Нижнем Новгороде. Я всё это и так знаю.

Я сглотнула. Паспорт у него отняла, пролистала на страницу, где должен быть штамп о браке, сунула ему под нос.

– Вы мне не муж.

Паспорт у меня снова отняли, а лицо Романа потемнело.

– А вот это, любимая, достойно серьёзного осуждения. А попросту: выдрать бы тебя. – Он потряс документом у меня перед носом. – Кто сделал? Мишка Гроб?

Я моргнула.

– Какой ещё гроб? Я не знаю ничего ни о каких гробах. Мне его в паспортном столе выдали! Вы меня, вообще, слышите? Посмотрите прописку! Я прописана и живу в другом городе!

Мой паспорт полетел на барную стойку и проскользил по полированной поверхности. Я только проводила его беспомощным взглядом. А потом потребовала:

– Покажите мне свой паспорт.

Роман хмыкнул.

– Зачем?

– Хочу своими глазами увидеть. Чтобы убедиться. – Я рукой неопределённо повела. – Хочу увидеть штамп в вашем паспорте. Может... может, вы лапшу мне на уши вешаете, а сами... вор!

– Липа, ты уже начинаешь заговариваться. И меня утомлять.

– Паспорт!

Он сплюнул с досады, отправился в комнату. У двери в гостиную стояла чёрная спортивная сумка, Роман присел перед ней на корточки, из кармана на молнии извлёк паспорт и мне протянул. В глазах откровенная издёвка. Я же со всей серьёзностью взяла у него паспорт, пролистала на нужную страницу. И уставилась... уставилась на чернила штампа. И на своё имя, вписанное туда. 17 апреля этого года. Мне оставалось лишь покачать головой.

– Этого не может быть.

– Вот и я говорю, чтобы ты завязывала с этим спектаклем. – Он поднялся и руку ко мне протянул. – Липа, ну, поругались, с кем не бывает? Но не надо так на меня злиться. – Его ладонь оказалась на моём плече, погладила. Я глаза на неё скосила. Отступила из-под его руки.

– Я с вами не ругалась. Я не знаю, как вам доказать. Я не тот человек. И я убью Ладку... Нет! Я её посажу. Я ведь имею на это право, да? Я могу написать заявление в полицию, пусть её найдут! Я адвоката найму! Самого лучшего!

– У тебя есть деньги на самого лучшего?

– Я найду! – выкрикнула я ему в лицо. – Она меня замуж выдала, это нормально?

– Тише.

– Я сейчас задохнусь от злости, – призналась я.

Роман Евгеньевич смотрел на меня без насмешки, очень серьёзно.

– Я никогда тебя такой не видел.

– Вы, вообще, меня раньше не видели! – выдохнула я ему в лицо. Я его аккуратно обошла, прошла через гостиную и закрыла за собой дверь спальни. Дурацкая круглая кровать раздражала всё больше и больше. Я даже садиться на неё не стала, опустилась на пол и подтянула колени к подбородку. И что теперь делать? На самом деле идти в полицию и писать заявление? На собственную сестру? Сказать им: ищите меня. Такую же блондинистую, такую же голубоглазую, но совсем не такую дуру. А я двадцать семь лет тешила себя

надеждой, что я человек, если не умный, то рассудительный и трезвомыслящий. И вот, пожалуйста. Сажу на полу чужой спальни и слёзы по щекам растираю.

– Липа.

Когда он произносил моё имя, у меня сердце болезненно ёкало. Незнакомый, здоровый мужик, который тянет ко мне руки и всё пытается в глаза заглянуть, со странной нежностью, которая, кстати, ему совсем не идёт, лицо в такие моменты становится совершенно простецким. Я только больше нервничать начинаю.

– Что ты ревёшь?

– У меня повод есть. Меня собственная сестра... обманула.

Роман на кровать присел, смотрел на меня, потом предложил:

– Встань с пола.

– Не хочу.

– Сядь рядом со мной.

– Не хочу. Мне не нравится эта кровать. Кто догадался купить круглую кровать?

– Ты.

– Мне бы это в голову не пришло!

– Липа.

Я повернулась к нему.

– Ты понимаешь, что тебя тоже обманули? Понимаешь? Я не знаю, как она это сделала, но она вышла замуж под чужим

именем. Это мошенничество! А я тебе не жена.

Он вдруг взял меня за подбородок, вглядывался в моё лицо, в глаза всмотрелся. Высматривал что-то для себя понятное, потом головой покачал, даже усмехнулся.

– Такого не бывает.

– Бывает, – возразила я.

Он кивнул.

– И сейчас ты скажешь, что вас родители в детстве путали.

– Нет, не путали, – каменным голосом сказала я. – У нас не было родителей, и росли мы врозь. Поэтому я не знаю, бывает так или не бывает. Но то, что я поверила ей, доверилась ей, впервые, это, точно, моя вина.

Роман Евгеньевич с кровати поднялся, ушёл в гостиную, а вернулся с фотографией в рамке. Я к тому моменту с пола всё же поднялась, присела на край кровати, а он подошёл и приставил фотографию с изображением Лады к моему лицу. Принялся сверять. Затем спросил:

– Скажи, ты всё придумала?

– Как такое можно придумать?

– Не сомневаюсь в твоих талантах, любимая. Ты у меня очень предприимчивая девочка.

Я глаза на него подняла.

– Я не девочка. Мне двадцать семь.

Роман выдержал паузу, затем выразительно хмыкнул.

– Вот сейчас удивила. Но знаешь, что я думаю?

– Что?

– Что ты, моя золотая, в прямом смысле золотая, крутишь мне мозги.

Я рот приоткрыла, пытаюсь осмыслить.

– И чего я, по-вашему, хочу?

– Как всегда: денег.

Я хоть и зло, но рассмеялась.

– Высокие отношения. Прямо-таки образцовая семья!

– Вот уж какая есть, – парировал он. – Что поделать, люблю тебя, заразу. И советую тебе завязать с играми и просто сказать, чего ты хочешь.

– А если я хочу уехать?

– Куда?

– Домой!

– Ты уже дома, – порадовал меня Роман и ободряюще улыбнулся. – А на море поедem через пару недель.

– Ваша жена уже на море! С кем-то!

– С кем?

– Не знаю! Но у вас рога, поздравляю! – Я отвернулась от него.

– Не надо так шутить, – попросил он.

– Какие уж тут шутки, – пробормотала я.

Роман Евгеньевич меня взглядом попытал, я на него не смотрела, и он из спальни вышел. Правда, довольно быстро вернулся. И его озабоченный вид давал надежду, что он не такой уж твердолобый и упрямый. Несмотря на то, что мой рассказ звучал для него, как бред, господин Явза его об-

думывал.

– Мы знакомы почти год, – сказал он. Я покосилась на него, ожидая продолжения, и желательно продуктивного. – И ты хочешь сказать, что год жила под чужим именем?

Я предостерегающе вскинула руку.

– Подождите! Я ни под каким чужим именем не жила! Я ни в чём не виновата. Это всё Лада!

– О твоей Ладе я слышу только от тебя!

Я с кровати поднялась, глянула рассерженно.

– Признайтесь, что вы просто не хотите мне верить! Конечно, вам неприятно, что вас обманули!..

– Меня никто не обманывал! – неожиданно рывкнул он, и я, признаться, снова присела. Нервно сглотнула, а на Романа Евгеньевича взглянула с укором. Но тот лишь глаза на меня в возмущении таращил и не внял. – Ты хоть знаешь, кто я? – Выдохнул этот вопрос, понял, что сам запутался и в досаде рукой воздух рубанул. – У меня самая крупная охранная фирма в области. На меня куча специалистов работает, у меня собственная тренировочная база, целый штат ищеек и охраны, и все с опытом, если не с армейским, то с милицеейским. И ты хочешь мне сказать, что я поддельный паспорт от настоящего не отличу? Что не пойму, когда мне врут? Что не поймаю человека на лжи?

Он замолчал, только взглядом меня жёг, а я обречённо на него смотрела. Роман не выглядел расстроенным, он выглядел задетым за живое. Но я всё равно спросила:

– А вы хотели её поймать?

Его аж перекосило, он всерьёз разозлился. А в меня пальцем ткнул и приказал:

– Молчи.

На этот раз, выйдя из спальни, он так дверью о косяк шагахнул, что я невольно зажмурилась.

– Она оставила мне вашу банковскую карту и блокнот с указаниями. Когда и где появиться, что и где лучше купить, как себя вести.

Я прошла в гостиную и протянула Роману блокнот. Он недовольно посмотрел. А я его поторопила.

– Посмотрите, это её почерк, не мой. Вы можете сравнить. Роман Евгеньевич выдал язвительную улыбку.

– Не помню, чтобы жена мне письма писала.

Я растерялась.

– Совсем не писала?

– Ограничивалась смсками. Ну, и роспись в загсе. Это считается?

– Не думаю, – приуныла я. И задала риторический вопрос: – И что нам теперь делать?

– Дождаться, когда пройдёт твоё обострение? – предложил он. – Кстати, любимая, у тебя в роду психи были?

– Пока не узнала, что у меня супруг имеется, не было, – огрызнулась я.

Я в досаде бросила блокнот на диван, отошла к окну и сложила руки на груди. Смотрела во двор, на детскую площад-

ку внизу, но бдительно прислушивалась к каждому вздоху и движению за своей спиной. Роман Евгеньевич прошёлся по комнате, потом открыл бар и достал бутылку. Я услышала стук бокала о стол, кинула быстрый взгляд за своё плечо. Роман заметил и поинтересовался:

– Выпьешь?

– Я не пью виски.

– И не куришь?

– И не курю!

Он усмехнулся.

– Я знаю.

Я кулаки сжала и снова от него отвернулась. А Роман из бокала отпил, языком прищёлкнул, после чего предложил:

– Давай, я расскажу тебе про свою жену.

– Интересно будет послушать.

– Липа Смирнова родилась в Нижнем Новгороде, как ты правильно заметила, двадцать семь лет назад. Но из города её увезли бабушка и дедушка, забрали внучку у молоденькой матери, оставив ту учиться. Правда, надолго учёба девицу не заняла, и та уехала сначала в Питер, а вскоре и страну покинула, замуж выскочила. А Липа вернулась в Нижний пару лет назад.

Я головой покачала.

– Я никуда не возвращалась.

– Три года назад умерла твоя бабушка, – продолжал упор-

ствовать Роман Евгеньевич, – и ты перебралась сюда.

– Да что вы мне рассказываете мою же жизнь?! – вскипела я. – Я не переезжала в Нижний, с чего бы это? У меня там квартира, друзья, работа, в конце концов! Вы можете позвонить в банк и узнать!

– В банк?

– Я работаю в банке! Я экономист по образованию! Роман Евгеньевич, просто признайтесь, что вы ничего не стали проверять. Лада рассказала вам басню... про меня, а вы безоговорочно поверили. Наверное, потому, что очень хотели поверить. И я могу это понять, Лада очень красивая.

– А ты нет?

Я только руками развела.

– Наверное, мы ведь похожи. Но я никогда не относилась к своей внешности так, как она. Меня воспитывали по-другому. Я так думаю. Но поймите: мы два разных человека. И она меня обманула так же, как и вас. Хотя, нет, не так же, – пришлось признать мне. – За вас она замуж вышла, а меня только обманула.

– Всё что ты сейчас мне пытаешься живописать...

– Да что тут описывать? Мы всё можем проверить! В конце концов, мы можем съездить к её родителям.

– Родителям?

– Приёмным. Её воспитывала двоюродная сестра нашего так называемого отца и её муж. Лада с ними всю жизнь жила, здесь, в Нижнем Новгороде. Правда, кажется, они несколько

лет назад перебрались за город. Но ведь можно узнать!

– У Олимпиады Смирновой нет сестры! Я бы знал!

– Есть! – выкрикнула я. – Перестаньте упрямяться, наконец!

– Я даже знаю, в какой школе она училась, и с какими оценками школу закончила. И в какой институт поступила, и когда его бросила. Так что хватит дурить мне голову!

– Я институт не бросала! Я брала академ, когда бабушка заболела! А потом вернулась и доучилась, можете проверить! Моя жизнь там, а не здесь! А Лада... Она просто всё украла, – расстроено закончила я.

– Интересно, зачем ей это было нужно, – съехидничал Роман Евгеньевич.

– Не знаю, – призналась я. – Не понимаю.

Я присела на край дивана, и минуту мы провели в тягостной тишине. Что делать я не знала, а Роман злился и тяжело дышал. Я руки сцепила.

– Нам нужно прояснить ситуацию, – проговорила я осторожно. – Надо понять, как действовать.

– Действовать?

– Я бы хотела вернуться домой. Как можно скорее. Но я ведь не могу! У вас в паспорте моё имя. Я считаю, нужно разрешить эту нелепую ситуацию.

– Нелепую ситуацию?

– Перестаньте за мной повторять! – вскипела я.

– А что мне делать?

– Пойти и всё узнать!

– Интересно, куда мне нужно пойти!

– Например, в полицию! – выдала я дельную, как мне казалось, мысль, а вот Роман лишь зло хохотнул.

– Чтобы меня на весь город ославили? Пришёл проверять на той ли я женился?

– А что тогда?

Он сверлил меня непримиримым взглядом. Потом спросил:

– Ты – Олимпиада Смирнова?

– Да, – ответила я, не почуяв подвоха. А Роман Евгеньевич удовлетворённо кивнул.

– Вот и замечательно. Значит, ты моя жена. У меня это в паспорте написано. А значит, ты сидишь дома, варишь мне щи, и делаешь то, – тут его голос стал особо громким и внушительным, – что я тебе скажу.

– С какой стати? – попыталась возмутиться я, а этот громила снова заорал.

– Потому что я твой муж! И я так сказал!

– Ты мне не муж! – заорала я в ответ, когда он к двери направился. Роман обернулся, глянул люто, а затем продемонстрировал мне пудовый кулак. Я ахнула, кинулась мимо него в прихожую, но он меня легко перехватил, поднял, как куклу пенопластовую, и вот я уже в спальне, а с той стороны в замке поворачивается ключ.

– Роман Евген... – Я запнулась на его отчестве, по двери

кулаком заколотила и потребовала: – Открой немедленно!
Но за дверью уже было тихо.

Взаперти я провела не так много времени, минут сорок, но моего гнева это нисколько не уменьшило. Я прислушивалась к звукам за дверью, в квартире, но Роман, судя по всему, квартиру покинул. Я ещё пару раз принималась колотить по двери кулаком, никто не отзывался, и я свои руки решила пожалеть. Но от бессилия хотелось очень громко ругаться, причём матом. Хотя, раньше я за собой подобных наклонностей не замечала. Но и в ситуации, столь дикие, не попадала. А теперь вот мысленно подбирала подходящие словечки, правда, знала их совсем немного. Но для этого неандертальца должно хватить.

Правда, когда за дверью слышались шаги, я о намерении ругаться страшными словами, как бабушка их называла, позабыла, лишь вскочила и снова заколотила в дверь кулаком.

– Открой, слышишь? Ты не имеешь права меня здесь держать!

Поначалу ничего не происходило, но затем ключ в замке повернулся, и на пороге возник Роман Евгеньевич. На лице явное недовольство.

Он, видите ли, недоволен! Я вот тоже недовольна!

– Совсем с ума сошли меня запирать?

– А я ещё не разобрался, как с тобой поступить.

– Это противозаконно.

– Не учи меня законам, детка. Я тебя сам научу.

Я, наконец, заметила за его спиной несколько сумок, по всей видимости, с вещами. Поинтересовалась:

– Что это?

– Мои вещи, в гараже нашёл.

– Это ведь хорошо? Она не выбросила ничего.

Роман смерил меня долгим взглядом, потом дверь пошире открыл.

– Выходи.

Я из спальни вышла и словно под конвоем прошла на кухню. Я пить хотела, а Роман шёл за мной по пятам. Мне очень хотелось обернуться и посмотреть на него, но я удержалась. Достала из буфета высокий стакан и налила себе воды. А Роман Евгеньевич за стол присел, руки сложил, и было понятно, что о чём-то сосредоточено размышляет. Потом полез в задний карман джинсов, и вот он уже протягивает мне паспорт.

– Вот, в машине нашёл. В бардачке.

Я на паспорт только смотрела.

– Чей?

– Написано, что твой.

Я нахмурилась, руку протянула и документ взяла. Пролистала страницы. Потом зажмурилась и качнула головой. А Роман коротко поинтересовался:

– Что?

– Мой. Я думала, что потеряла его. Мне ведь даже в голову не пришло... Лада приезжала, когда бабушка умерла. Правда, недели через две. Приехала на два дня, мы с ней на кладбище съездили, вечером посидели, поговорили. Я паспорта только через несколько днейхватила, и мне даже в голову не пришло... Как она могла?

– Значит, она жила по твоему паспорту? Зачем?

Я могла лишь пожать плечами.

– Я не знаю. Это ведь незаконно, да?

– Конечно, незаконно! – разозлился он, а я остановила на лице Романа внимательный взгляд.

– Значит, вы мне верите?

Этот вопрос ему не понравился. Он морщился, потом даже вздохнул.

– У меня нет доказательств её существования. Твои – есть. А Лада, или как там её зовут, лишь твои утверждения. А я вот смотрю на тебя, и вижу её лицо, её глаза, её волосы. Поэтому я ещё не решил. У моей жены родственников не было.

– Можно подумать, вы с ней долго знакомы!

– Обычно за восемь месяцев кто-то да обязан объявиться.

А моя жена – сирота.

– При живых родителях. Кстати, у неё их аж две партии. – Я тут же отмахнулась. – Хорошо, не будем об этом. Куда важнее, что мы будем делать дальше.

– В смысле?

– В том смысле, что я замуж не собиралась и не собира-

юсь! Всё это нужно как-то аннулировать. У вас же есть в этом городе знакомства? Вот пусть нас быстренько разведут.

– Не торопись.

– Почему?

– Я ещё ни в чём не уверен.

Я глаза закатила.

– И какие доказательства вам нужны?

– Очень существенные.

– Господи, да мы же с ней разные! Внешне похожи, но...

– Замолчи, – попросил он и из-за стола поднялся. – Мне нужно подумать. А заодно на работу съездить. А ты... – Он смерил меня взглядом. – Займись чем-нибудь полезным. И из квартиры ни шагу, поняла?

– А что это вы мне приказываете, да ещё в таком тоне?

– Липа!

Я вздрогнула от резкого окрика, нервно сглотнула, после чего кивнула.

– Хорошо. Да и куда мне идти?

Роман Евгеньевич продолжал на меня смотреть. Я замечала его взгляды. Он смотрел, и смотрел, понятно, что сравнивал, отыскивал различия. Но, судя по тому, что бесконечно хмурился, не находил их. И это было не очень хорошо. Для меня.

– Разбери мои вещи, – попросил он.

– А у вас нет для этого домработницы?

– А ты хочешь домработницу?

– Я просто спросила.

– Обсудим, когда вернусь.

– Я ничего не хочу обсуждать, – запричитала я ему вслед. – Я просто спросила. Я в том смысле, что это несколько неприлично – разбирать чужие вещи.

– Не переживай, ничего компрометирующего или неприличного там быть не должно. По крайней мере, я такого не помню.

Он обувался, искал в кармане куртки ключи, а я смотрела на него с тревогой. Роман вдруг обернулся, посмотрел на меня и спросил:

– Ты чего?

– У меня паника, – призналась я.

– И что с этим делать?

– Как можно скорее уехать домой.

– купишь туфли и пройдёт, – сказал он, вдруг подмигнул мне и из квартиры вышел.

Я плечом к стене привалилась, прикусила губу, собиралась поразмышлять о происходящем, но тут услышала, как в замке поворачивается ключ. Совсем, как недавно в спальне. Я кинулась к двери, ручку дёрнула – заперто. Обернувшись, посмотрела на тумбочку, где лежали ключи, их не было.

– Вот гад! – в сердцах выдохнула я, но слышать меня никто не мог. Это разозлило, я побежала на кухню, прижалась носом к окну, и увидела Романа. Он как раз вышел из подъезда и твёрдым шагом направился к тёмному внедорожнику.

Конечно, он и не подумал посмотреть наверх.

Тиран. Снова меня запер. Это надо же...

Ну, Ладка, ну, сестрёнка. Выдала меня замуж вот за этого тирана с господскими замашками. Который теперь считает себя в праве запира́ть меня в чужой квартире и отдавать приказы. Но Лада... впору за голову схватиться.

Мне не хотелось заниматься его вещами. Я некоторое время смотрела на три большие сумки, набитые под завязку, потом представила лицо Романа Евгеньевича, когда он поймёт, что я и не подумала исполнить его наставление (или приказ?), и решила хотя бы видимость создать. Открыла одну из сумок, достала ворох его вещей, которые, кстати, были свалены кое-как и изрядно помялись, и определила всё это на постель. Потом открыла другую сумку, в ней одежды не было, какие-то журналы, папки, несколько коробок с наручными часами, я их с интересом разглядывала. А на самом дне обнаружился альбом с фотографиями в мягкой обложке с цветочками и белыми голубями. Я в некотором страхе открыла первую страницу и очень долго смотрела на первую фотографию. Конечно, снимок был постановочным, молодёжны сидели в правильных позах, старательно улыбались, держались за руки, а за их спинами – златоглавый собор и голуби в небе. Я долго присматривалась: фотошоп или нет, так и не поняла. Потом уже к молодым принялась присматриваться. Лада сияла, в шикарном платье, в горжетке из белой норки, с фантастическим букетом из белых пионов в руках.

И это в апреле месяце! Роман Евгеньевич выглядел серьёзным, улыбкой не сиял, но по взгляду было понятно, что доволен. Обнимал молодую жену за талию и выглядел претенциозно в строгом костюме с красным галстуком. В петлице красная роза. Роман Евгеньевич высился за спиной Лады, как скала. Твёрдый взгляд, каменный подбородок, широкий лоб. И ладонь Лады попросту тонула в его ладони.

Я, наконец, моргнула, сбрасывая оцепенение, напомнила себе, что это не я на фотографии, и страницу перевернула. Ещё с десятков подобных фотографий, Лада позировала, как могла, улыбалась, меняла позы, а Роман Евгеньевич стоял, как стена, с одинаковым выражением на лице. Оживился только на фотографиях с банкета. Гостей на самом деле было много, ресторан красивый, столы ломились от закусок и выпивки, я каждый снимок с любопытством изучала. Люди веселились, танцевали, молодые целовались, и Роман даже улыбался. А если камера ловила его взгляд, направленный на мою сестру, становилось жарко, даже мне. Уж не знаю, сколько в этих взглядах было любви, но откровенного желания хоть отбавляй. А Ладка его обманула и бросила. Мне его даже жаль. Совсем чуть-чуть.

Из-за этой жалости я всё-таки разобрала сумки с его вещами, и разложила одежду в полупустом шкафу. Раскладывала и думала: сколько в жизни странностей. И, наверняка, это будет самый странный отпуск в моей жизни.

– Липа, ты где?

После этого дурацкого вопроса от двери, вся жалость, что во мне, возможно, и родилась, растаяла. Я отвечать не стала, готовила ужин, некое подобие итальянской пасты на русский манер из ограниченного выбора продуктов, что нашёлся в холодильнике. Помешивала соус с томатной пастой, и продолжала молчать. Его не было четыре часа. Четыре! Он запер меня и уехал, и, наверняка, даже не беспокоился и угрызениями совести не мучился. Что подтверждал его бодрый голос.

– Липа, чего молчишь?

– Я не собака, голос подавать, – проворчала я, не поворачиваясь от плиты.

Роман Евгеньевич фыркнул уже за моей спиной.

– Подумать только. Ты обиделась?

– Ну что вы? На что, интересно? На то, что вы меня здесь заперли? Не имея на это никаких прав и оснований!

– А ты куда-то собиралась? – Он сунулся мимо меня к кастрюле. Живо поинтересовался: – Чем пахнет?

Я плечом дёрнула, вынуждая его отстраниться.

– Едой.

– Липа не в духе, – почти пропел он. Я обернулась и посмотрела на него. Проговорила с намёком:

– Роман Евгеньевич.

Мы взглядами встретились, и он отступил.

– Ладно, не злись. И, может, ты перестанешь называть меня Евгеньевичем?

– У вас есть другое отчество?

– У меня есть штамп в паспорте, – съязвил он.

– Я здесь не при чём! – возмутилась я.

– Разберёмся. Ужинать будем?

Я зубами скрипнула.

– Через пятнадцать минут.

Он из кухни вышел, а через минуту из комнаты послышался его довольный голос:

– О, ты всё разобрала! Молодец какая.

– Чтоб ты подавился, – проговорила я себе под нос и выключила газ.

– Я попросил разузнать всё о твоей семье, – сказал Роман за ужином. У меня и без того аппетита не было, я лишь водила вилкой в своей тарелке, украдкой наблюдая за тем, как ест мой неожиданный супруг. Он ел с аппетитом и не отвлекаясь ни на что, и поэтому я немного удивилась, когда он заговорил. Уже успела погрузиться в свои невесёлые размышления, а тут Роман Евгеньевич ещё, по всей видимости, решил мне поводов для раздумий добавить.

– Зачем? Я и сама могу всё рассказать.

– Правда?

– А что мне скрывать?

– Я не слишком доверяю словам, красавица. Предпочитаю сухие факты. На бумаге.

– На бумаге? Значит, ты доверяешь каким-то непонятным людям, которые эти бумаги для тебя пишут?

– Не всем, но некоторым.

– Это странно.

Роман жевать перестал, посмотрел на меня, после чего снисходительно проговорил:

– Ты ничего в этом не смыслишь.

– Куда уж мне, – пробормотала я, уворачиваясь от его взгляда. После чего с явным намёком поинтересовалась: – Как ужин?

Роман Евгеньевич понимающе усмехнулся.

– Вкусно. Кстати, моя жена готовить умеет. Правда, не любит.

Я губы поджала.

– И ради Бога. Это же твоя жена, сам выбирал.

– Не ехидничай, – попросил он. – Лучше начинай рассказывать.

– Я? Ты же всё завтра узнаешь сам!

– А я сравню. Расскажи мне свою версию.

– Какую версию? – попробовала возмутиться я. – Это моя жизнь.

– Тогда расскажи мне про сестру. Как её?.. Клавдия?

– Шаталова Клавдия Юрьевна, – подтвердила я, а Роман Евгеньевич нахмурился.

– Шаталова? Она не Смирнова?

– Нет, конечно. Это у меня девичья фамилия матери, а Ладу удочерили, со всеми вытекающими. У неё другая фамилия, другое отчество. И совершенно отличная от моей

жизнь.

Я поднялась, чтобы налить себе чай.

– Мы с Ладой – плоды ранней, но ошибочной любви. Наверное, так. В момент нашего появления на свет, нашим родителям исполнилось по шестнадцать лет. И они абсолютно не горели желанием стать родителями, сам понимаешь. Вот нас и раскидали... по родственникам. Меня бабушка с дедушкой забрали, а Ладу сестра отца. У них с мужем детей не было, вот они Ладу и взяли к себе. Чтобы любить. – Я за стол вернулась, и чашкой прикрыла горькую усмешку на губах. – Они дали ей дом, семью, фамилию и отчество. Родители наши занялись своей жизнью, что и понятно. А мы стали лишь воспоминанием. В лучшем случае жизненным уроком. Отец сейчас в Москве живёт, у него всё в порядке. Бизнесом занимается, жена, дети. Я с ним не встречалась никогда, только на фотографии видела. Правда, он недавно с Ладой виделся, даже денег ей дал. А она, когда приезжала, по-сестрински отдала мне половину.

– А мать?

– Что мать? – не сразу уловила я его мысль. После чего снисходительно улыбнулась. – Мама в Австралии, она удачно замужем, удачно работает и также удачно воспитывает двух мальчишек. Её жизнь, вообще, сложилась крайне удачно. И она с удовольствием делится со мной опытом. Пару раз в год для приличия зовёт в гости.

Рома глянул на меня исподлобья.

– Поедешь?

Я аккуратно поставила чашку. Весьма сдержанно улыбнулась. Наверное, такая же улыбка появилась на моём лице, если бы передо мной в данный момент сидела мать и приглашала приехать к ней в Австралию. Я бы улыбнулась точно также, и вежливо отказалась. Я знаю, что поступила бы именно так. А для Романа ещё и пошутить решила:

– На кенгуру смотреть? Они мне даже не нравятся.

Он пытливо разглядывал меня. Наверное, считал, что он на редкость проницательный, и не понимал, что это бестактно. Я не хотела откровенничать с ним, рассказывать про отношения с сестрой и, так называемыми, родителями. Но Роман Евгеньевич готов был душу мою наизнанку вывернуть, лишь бы услышать ответы на свои вопросы. А вопросов у него было много, и так просто он меня в покое не оставит.

– А на зов сестры ты, значит, откликнулась.

Я губу закусила, но тут же себя одёрнула.

– Она сама ко мне приехала.

Я замолчала, в какой-то момент мы с Романом встретились глазами, и я поняла, что он уже не ест, сидит, откинувшись на спинку стула, а меня разглядывает без всякого стеснения. И в глазах у него недоверие и подозрение. Я вспыхнула.

– Ты просто не представляешь, что это такое – знать, что у тебя двойник есть. Когда смотришь на него, а видишь себя. С теми же глазами, с теми же губами, даже жесты у вас одина-

ковые. К этому не так легко привыкнуть. Наверное, если бы мы росли вместе, нам не нужно было бы привыкать, мы бы обходиться друг без друга не могли. А мы впервые увидели друг друга в пятнадцать, и это был шок. Ничего удивительного, что мы не горели желанием общаться. К тому же, мы по характеру разные.

– Пока не заметил.

– А ты прекрати пялиться на мою грудь и ноги, и сравни то, что находится в другой плоскости.

– Я и не пялюсь. – Роман Евгеньевич неожиданно усмехнулся. – Я смотрю на то, что мне нравится. На то, из-за чего я, по сути, женился.

Я, недовольная, поднялась из-за стола.

– Конечно. Видимо, по вашей теории моя душа расположена как раз между грудями.

– Где-то близко.

Я отвернулась от него и упёрла руку в бок, смотрела за окно.

– Я просто хочу знать, что мы будем делать, – сказала я.

В ответ тишина. Я голову повернула и смогла увидеть только спину Романа. Он из кухни ушёл, так и не ответив на мой вопрос.

Сначала я решила оставить его в покое. Ну, правда, человек находится в той же растерянности, что и я. Даже большей. Я, по крайней мере, точно знаю, что произошло, что Лада обвела всех вокруг пальца. А Роман Евгеньевич даже

в её существовании сомневается. Пока мыла посуду после ужина, думала об этом, но собственная тревога все благие мысли перебивала. И поэтому я отправилась за ним. Искать долго не пришлось, Роман Евгеньевич обнаружился в спальне, вытянулся на круглой кровати, обняв руками подушку и, как мне поначалу показалось, спал. Я остановилась рядом в нерешительности, разглядывала его. Потом негромко позвала:

– Роман Евгеньевич...

Он шевельнулся, затем проворчал:

– Липа, если ты ещё раз назовёшь меня Евгеньевичем, у меня случится раздвоение личности.

Я сверлила его взглядом, но Роман глаз так и не открыл.

– Что мы делать будем? – задала я ему прямой вопрос. – Как вы можете спать?

– Я сутки за рулём провёл! – Он всё-таки посмотрел на меня, крайне недовольно. – Я хочу спать. А вот завтра, утром, со свежими силами, с объективными разведданными...

Я едва не сплюнула с досады. Обожгла его взглядом и из спальни вышла. Как раз в этот момент домашний телефон зазвонил. Признаться, я не сразу поняла, откуда звук, оказавшись в коридоре, закрутилась на месте, потом уже вспомнила, что аппарат видела в гостиной. Видеть видела, но за прошедшие дни он ни разу не звонил.

Я подошла, опустилась в кресло и сняла трубку.

– Я слушаю, – устало проговорила я, совершенно позабыв,

что я не дома.

Но звонившему это было не интересно, мужской голос с явным укором проговорил:

– Липа, у тебя совсем нет совести. Ты знаешь об этом?

Я нахмурилась. Такие обвинения я не жаловала.

– Кто это? – осведомилась я, и голос прозвучал достаточно строго.

В трубке на пару секунд воцарилось молчание, после чего мужчина выразительно хмыкнул.

– Ничего себе. Я ещё и виноват!

Я вздохнула в сторону.

– Я просто не узнала. – Подумала и добавила: – Привет.

– Привет, – с язвительностью отозвался звонивший. – Ты где сегодня утром шлялась?

– Я? – невольно выдохнула я. Затем возмутилась: – И что за тон? Что значит: шлялась?

– О, – протянули на том конце провода. – Ты не в духе. Муж вернулся? Хотя, мне плевать. У тебя выключен мобильный, и ты пропустила примерку! Я вызвал этого грёбаного дизайнера из Москвы, а ты не пришла! Вот я и спрашиваю: ты офонарела? Кто у кого работает, ты не забыла?

Я молчала, в неудовольствии обдумывая возможный ответ. В конце концов, сказала:

– У меня... семейные обстоятельства.

– Обстоятельства? Какие ещё обстоятельства? Плевал я на все твои обстоятельства!

Я уже готова была ответить что-то то резкое, но у меня неожиданно трубку отняли. Я голову подняла, встрети-лась с предостерегающим взглядом Романа Евгеньевича. Он трубку к уху поднёс, послушал, потом сказал:

– Здорово, Аркаша, что вопишь? – Снова слушал, а смотрел при этом на меня. Я же гордо отвернулась. А над моей головой послышалось: – Не явилась? На примерку нового наряда? Я в шоке. – Роман деланно рассмеялся. – Ну, я виноват. Вернулся, и у моей любимой жёнушки всё напрочь из головы вылетело. Да, я старался. Завтра? Конечно, будет, в десять. Привезу сам. Что ты, Аркаша, я уже смирился. – Его тяжёлая ладонь легла на мою макушку, я втянула голову в плечи, моментально насторожившись. – Да, да, привыкаю быть мужем самой красивой женщины города.

Я руку его скинула, не стерпев, а Роман Евгеньевич вдруг кулак мне показал. Я грозно сдвинула брови. А когда он телефон отключил, гневно начала:

– Что это, вообще, такое? – Я поправила примятые его рукой волосы. – Моё удивление, Роман Евгеньевич, относительно побега вашей жены, начинает стремительно таять. У вас странная привычка относиться к женщине, как к лучшему другу человека. Позвать свистом, между ушами потрепать...

Он усмехнулся, головой качнул.

– Липа, сколько слов. Если честно, подобного за своей благоверной я точно не подмечал.

– Верю. Десять моих слов Лада легко заменяет одним, более веским.

– Да.

– Кто звонил?

– Аркаша. Твой... В общем, работодатель. Ты пропустила какую-то примерку.

– Какую примерку?

– Липа, я что, похож на твоего рекламного агента? Знать об этом ничего не знаю. Завтра съездишь, и тебе всё расскажут.

Я хлопнула ресницами.

– Я не поеду.

– Поедешь.

– Роман Евг!..

Он посмотрел на меня в упор.

– Я сказал, что ты поедешь. Разговор закончен.

Он направился обратно в спальню, а я на месте не усидела и кинулась за ним.

– Но я не она! Я не хочу туда ехать! Я, вообще, не люблю, когда на меня смотрят и фотографируют, мне это совершенно не свойственно.

– Липа, это бесполезный разговор.

– Что это значит? – Я в дверях остановилась и развела руками.

Роман перед кроватью остановился, устало потянулся и зевнул.

– Это значит, что пока ты моя жена, ты для всех моя жена. И ты занимаешься своими привычными для всех делами. Ходишь по магазинам и иногда на свою работу, светить лицом.

Я обдумывала, затем решила уточнить, зачем-то.

– Вам это нравится?

Роман снова устроился на постели, вытянулся и подложил под голову руку. На меня взглянул с интересом.

– Что именно?

– Что ваша жена... «светит лицом».

– Это работа. – Он глянул на меня из-под руки, с намёком. – Моей жене она нравится.

Я усмехнулась.

– Понятно. Три месяца брака слишком маленький срок, чтобы приучить жену сидеть дома и ждать вас. Вам, на самом деле, нужно было завести собаку, а не жениться.

– Липа, я от тебя устал, – предупредил он.

– И я от вас устала. От вас, от этой ситуации, и от этого города в целом!

Я подошла к шкафу и достала с верхней полки плед. С кровати сдёрнула соседнюю подушку. Роман голову приподнял, взглянул с интересом.

– А ты куда?

– На диван в гостиную! – выкрикнула я. – Надеюсь, что завтра проснусь, и всё это окажется кошмаром!

– Ты серьёзно про диван?

Я в дверях оглянулась на него, в искреннем изумлении.

– А есть сомнения?

– Скорее уж предложение.

Я лишь головой качнула.

– Вы не в своём уме.

На диване, кстати, было не так уж и плохо. Я устроилась со всеми удобствами, закуталась в плед, было мягко и удобно. Я свет выключила, было ещё не поздно, но хотелось темноты и тишины. Правда, быстро заснуть я не мечтала, просто лежала, таращила глаза в темноту и вздыхала время от времени. А потом Рома появился. Сначала просто вошёл в гостиную и остановился в темноте, но я знала, что он на меня смотрит, к дыханию прислушивается. Я постаралась дышать глубоко и ровно, я хотела притвориться спящей. Ни единой минуты спора и пререканий я больше не выдержу. На сегодня с меня хватит. И когда он, наконец, ушёл, вздохнула с облегчением, а потом отвернулась лицом к спинке дивана.

Утро следующего дня началось с бодрого приветствия, которое заставило меня подскочить на диване.

– Доброе утро, жена!

Я села, глаза вытаращила, поначалу бестолково присматривалась к высокой мужской фигуре, потом глаза потёрла. Припомнила вчерашний день, и захотелось снова с головой в одеяло закутаться и заснуть. Но кто бы мне позволил? Но одеяло к груди я в качестве предосторожности прижала покрепче.

– Что вы делаете? Который час?

– Буду отвечать в обратном порядке. Время восемь утра, и я тебя бужу, самым бессовестным образом.

Роман Евгеньевич, кстати, не смотря на ранний час, выглядел бодрым, выспавшимся, был свежевыбрит и готов ко встрече с всякими жизненными перипетиями. Про себя я такого сказать не могла. Только пробормотала:

– То, что бессовестным, я согласна.

– Липа, хватит жаловаться. К десяти мне надо тебя к Аркаше отвезти.

Я снова легла и всё же пожаловалась:

– Я бы ещё час могла спать!

Рома подошёл ближе, и теперь разглядывал меня, стоя прямо надо мной.

– Липа, не пугай меня. И не пугай Аркашу. Думаю, что он тебя без боевой раскраски не видел ни разу.

Я с тоской на него смотрела.

– Я должна притворяться ею?

– Да.

– Зачем?

– Я тебе скажу, когда пойму. Но раз ей нужно было, чтобы тебя видели и принимали за неё, тебе нужно постараться так себя и держать. Так что, давай, подъём. Краситься, мазаться и одеваться.

– А если я не хочу? Если мне всё равно кто и что подумает? Я даже не знаю этих людей!

– Зато они тебя знают. И заметь, под твоим именем и по твоим документам. Этого довода тебе мало? Могу ещё парочку подкинуть.

Я в бессилии стукнула кулаками по одеялу. На Романа посмотрела, снова села.

– Ладно, – проговорила я со всем своим недовольством. – Отвернитесь. – Он молчал, и мне пришлось повторить: – Отвернись!

Он хмыкнул, развернулся и ушёл на кухню.

Наверное, от меня ожидалось больше старательности и ответственного подхода к общему делу. Но я собралась за полчаса, даже душ успела принять. Подкрасила глаза, губы, выбрала наряд. Пришлось воспользоваться гардеробом сестры, отвергла всё яркое и вызывающее, выбрала лёгкий сарафан и широкий пояс со стразами. У Лады, кстати, было очень много разных поясов, видимо, они были её слабостью. Была и ещё одна – бижутерия, и я, вспомнив об этом, надела на руку объёмный браслет, а на шею круглые, тяжёлые бусы. При моей работе в банке, излишества не приветствовались, и в своей обычной жизни из украшений я носила только золотую цепочку с крестиком и часы на запястье. А вот у Лады выбор был огромный.

– Как я выгляжу? Похожа? – спросила я, когда на кухне появилась.

Рома обернулся, окинул меня придирчивым взглядом. Ни капли насмешки или бравады, он был сама серьёзность.

В конце концов, кивнул, а тон был сдержанным.

– Конечно, похожа. Только не болтай.

– В смысле?

– В смысле, не трещи, как сорока. Липа... тфу ты. В общем, моя жена не любитель обсуждать и рассуждать. Говори, как есть.

Я задумчиво хмыкнула. Аккуратно Романа Евгеньевича обошла, достала из буфета чашку и налила себе кофе.

– Я так не могу, – призналась я. – Я привыкла обдумывать, прежде чем что-то сказать или сделать.

– Так обдумывай, – разрешил он, – только про себя. На твои рассуждения никаких нервов не хватает.

Я возмущённо посмотрела ему вслед, но в спор вступать не стала. Пусть думает, что хочет.

Автомобиль у моего супруга оказался больше похожим на танк. И по стоимости, наверное, отставал мало. Огромный внедорожник, надо будет, он через таёжные дебри проедет. Я машину разглядывала, отстала от Романа на пару шагов, он даже оглянулся на меня в какой-то момент. Потом переднюю дверь для меня открыл и руку подал. Помощь пришлось принять, автомобиль был достаточно высоким. Рома машину обошёл и сел на водительское место, сразу тёмные очки надел, и когда на меня глянул, я про себя посетовала: бандит бандитом. Хотя, возможно, так оно и есть. Что означает «охранная фирма» мне доподлинно неизвестно. Кого они охраняют, что за контингент Роман Евгеньевич под своим

началом собрал? И что за тренировочные базы, о которых он упоминал?

Я отвернулась к окну, некоторое время молчала, стараясь справиться с очередной неприятной темой для размышления. И поэтому решила спросить о другом.

– Что мне там нужно будет делать? Как себя вести?

Рома на меня посмотрел.

– Без понятия, если честно. Липа всегда лишь смеялась и отмахивалась. Ну, примеряешь пару нарядов, поулыбаешься фотографу, если надо будет.

– Не люблю фотографироваться, – призналась я. – У меня точно не получится.

Но Роман Евгеньевич лишь отмахнулся. Конечно, ему хорошо говорить.

А потом на одной из улиц я неожиданно увидела на билборде у дороги своё лицо. То есть, не своё, конечно, это была Лада, но впечатление было неизгладимым. Мы проехали мимо, а я даже на сидении назад крунулась. И чтобы с кем-то поделиться, неожиданно для самой себя схватила Рому за руку.

– Ты видел?

– Что?

– Там я! На рекламе! То есть, не я, Лада, но... Господи, её лицо в центре города!

Роман Евгеньевич жевал жвачку и впечатлённым совсем не выглядел.

– Пара фоток по городу, да реклама самого салона. Но ты права, такую красавицу на капоте дорогой тачки увидишь, долго не забудешь. По собственному опыту тебе говорю.

Я аккуратно разгладила подол сарафана на коленях, раздумывала.

– Вы так и познакомились?

Он не ответил, зато я заметила, что его подбородок отяжелел, и жевать он ненадолго перестал. Мой вопрос ему почему-то не понравился, хотя, вопрос был банальным и не опасным.

Вскоре мы подъехали к автомобильному салону. Трёхэтажное здание, стена фасада полностью стеклянная, через неё видно ряд новеньких, сверкающих автомобилей. На втором этаже, у самого стекла стоял красный кабриолет. Я застыла, задрав голову и открыв рот. Даже собственную физиономию на плакате рядом не сразу заметила.

– Закрой рот, – попросил меня Роман Евгеньевич, останавливаясь за моей спиной. Рот я закрыла, а он меня за плечи обнял и повёл к распашным дверям. Я плечом пару раз дёрнула, пытаюсь избавиться от его руки, но добила только того, что его пальцы крепче моё плечо сдавили.

Как только мы вошли в салон, к нам тут же направился серьёзный охранник, и поприветствовал Романа, а не меня.

– Роман Евгеньевич, доброе утро.

– Здорово, – лёгко отозвался мой «супруг». – Как дела?

– Всё хорошо, – отрапортовали ему, и уже после этого об-

стоятельно кивнули мне. – Олимпиада Викторовна.

Я вяло поздоровалась, а когда мы с Романом направились через зал к лифту (зачем в трёхэтажном здании лифт, никто не знает?), я негромко спросила:

– Все охранники города вам отчёт дают?

– Только те, кто на меня работает.

Я в лифт вошла, руки на груди сложила.

– А в «Сапаре»?

Роман на меня посмотрел.

– Почему ты спрашиваешь?

– Вспомнила одного заботливого охранника...

Роман кивнул.

– И в «Сапаре».

Аркаша оказался мужчиной колоритной внешности. Достаточно высокий, дородный, абсолютно лысый, как бильярдный шар, а на переносице у него была морщинка беспокойства и непроходящей заботы. Сразу становилось понятно, что угодить этому человеку трудно. К тому же, выяснилось, что он является владельцем автосалона, и, стало быть, забот у него и, правда, достаточно.

При виде нас с Романом, он не улыбнулся, из-за стола поднялся и выразительно развёл руками. И обратился непосредственно ко мне.

– Душа моя, как я рад тебя видеть! Спасибо, что почтила!

Это была откровенная ирония, и я послушно изобразила вину.

– Прости. Так вышло...

Роман Евгеньевич незаметно пихнул меня в спину. А Аркадию улыбнулся, тёмные очки снял.

– Ладно, Аркаша, не зверствуй. Я всё оплачу.

– Оплатишь, оплатишь, – заверил его находчивый владелец салона. – Я тебе всё посчитаю, и свои нервы заодно. А это, знаешь ли, дорогое удовольствие.

А я взяла и брякнула:

– Коньяком пахнет. Кто-то нервы с утра лечит.

Мужчины на меня посмотрели, а я отвернулась от них. А Аркаша указал рукой на дверь.

– Иди, тебя там второй день ждут. Сама ведь этого дизайнера мне сосватала, весь мозг мне вынесла, и сама же не явилась.

Роман Евгеньевич рядом усмехнулся. Снова меня за плечи обнял, на этот раз прижав к себе, а Аркаше сказал:

– Заноза она, но за это и люблю. – А в следующее мгновение я заполучила крепкий поцелуй в губы. На меня пахло теплом, незнакомым одеколоном и мятным ароматом зубной пасты. На несколько секунд я всерьёз растерялась, Роман Евгеньевич уже отстранился, а я всё глаза на него таращила. Ему снова пришлось осторожно меня толкнуть кулаком в поясницу. Я очнулась, моргнула и повернулась к Аркаше. Он смотрел на меня странно, непонимающе, потом снова указал пальцем на дверь. Я направилась туда, но Рома меня за руку удержал. Я обернулась.

– Я заеду за тобой в двенадцать.

Я кивнула.

Оказывается, он, при всей своей фактуре и твердолобости, весьма неплохой актёр. Вон как душевно мне улыбается.

Следующие два часа ничем мне особо не запомнились. Да, дизайнер, да, новые наряды, наверное, дорогие, и я, вроде как, модель. Меня фотографируют, причёсывают, подкрашивают глаза и губы, но я чувствовала себя куклой и удовольствия точно не получала. Меня крутили из стороны в сторону, просили улыбнуться, принять то одну позу, то другую. И это всё ещё были примерки, ко мне в новом образе только присматривались. И я довольно быстро затосковала. Наверное, платили Ладе на этой работе неплохо, но у меня наслаждаться, даже своей красотой, о которой все твердили, никак не получалось. И поэтому я, вырвавшись наконец на волю, готова была плевать. Аркаша меня ещё задержал, за талию приобнял и зачем-то принялся выспрашивать, чем я вчера занималась. Даже сделал попытку в глаза мне заглянуть. И тогда я тоже заинтересовалась:

– А тебя почему это интересует?

Аркаша повёл широкими плечами, погладил себя по животу.

– Просто спрашиваю. Могу я о тебе позаботиться, чуть-чуть?

– Позаботиться? – «Только этого не хватало», пронеслось у меня в голове.

А Аркаша тем временем продолжил:

– Странная ты в последнее время. А сегодня вот на тебя с Романом так сказать Евгеньичем глянул, и вспомнился мне наш недавний разговор.

Я нахмурилась.

– Какой разговор?

Аркаша откровенно закатил глаза, затем по сторонам зачем-то огляделся. А я не сразу, но сообразила, что он охранника высматривает. Не пасётся ли тот рядом. После чего Аркаша взял меня за локоток и ещё в сторонку немного отвёл.

– А ведь я тебя предупреждал, – заговорил он негромко. – Подумай, подумай, а ты взяла и выскочила за него замуж. А теперь глаза на него таращишь.

– Я таращу?

– А то я сегодня не видел. – Аркаша даже сочувственно скривился. – Ох, Липа, Липа. С ним ведь не разведёшься, по своему желанию.

Я моргнула раз, потом другой, затем решительно освободила свою руку.

– Спасибо, конечно, что ты беспокоишься, но не стоит. У меня всё хорошо.

– Хорошо? И поэтому ты разговариваешь и ведёшь себя сегодня, как замороженная рыба?

Вот после этого я едва не ахнула. Значит, я замороженная рыба?

– Я просто сегодня не в форме, – проговорила я в возму-

щении и свысока. — У меня, знаешь ли, вчера муж приехал. После трёхнедельного отсутствия. Некоторая усталость простительна.

Аркаша смотрел на меня во все глаза.

— Липа, что с тобой?

Вот тут я уже решила рассердиться всерьёз и послать его. Правда, хватило меня только на:

— Иди ты, Аркаша! — После этого я на каблуках развернулась и направилась к выходу. Дверь передо мной охранник открыл и чересчур вежливо попрощался.

— Всего хорошего, Олимпиада Викторовна.

Я даже обернулась на него. Кажется, не зря Аркаша в собственном салоне по сторонам опасливо озирается. Кругом глаза и уши.

Роман Евгеньевич уже ждал меня на стоянке. Я когда к машине подошла, через стекло увидела, что он по телефону говорит, но разговор он закончил, как только я дёрнула ручку двери. А я в машину села, вздохнула и руки сцепила. Рома ко мне с интересом приглядывался, затем поинтересовался:

— Ну, как?

— Я думала, будет веселее.

Он усмехнулся.

— Липе было весело.

Я посмотрела на него.

— Липа — это я, — проговорила я каменным голосом.

Он равнодушно кивнул.

– Конечно.

– Ты не веришь?

– Я предпочитаю проверять. И именно этим мы сейчас займёмся.

– Заставишь меня пройти «детектор лжи»?

– Нет, зачем? Мне сообщили адрес приёмных родителей Шаталовой Клавдии Юрьевны. Вот к ним мы сейчас и отправимся.

Я нервно облизала губы.

– Прямо сейчас?

– Да. А ты против?

– Я... Просто немного волнуюсь. Я с ними никогда не встречалась.

– Вот и встретишься. Они в Рубцово живут.

– Где это?

– Примерно час езды.

Я откинулась на спинку, смотрела на дорогу. Мы некоторое время ехали молча, я дождалась выезда на трассу, время от времени на Рому поглядывала, потом спросила:

– Вы с Ладой хорошо жили?

– Что значит, хорошо?

Я плечами пожала.

– Любили друг друга?

Этот мерзавец ещё шире ухмыльнулся.

– Что значит, любили?

– Меня все тобой пугают, – сказала я, желая убрать с его

лица усмешку. – И Аркаша тоже.

Роман улыбаться на самом деле прекратил.

– Что он сказал?

– Что я плохо подумала, когда замуж за тебя решила выйти. Что ты меня отпустишь только тогда, когда сам захочешь.

– Вот стервец лысый.

– Он прав?

Роман Евгеньевич кинул на меня быстрый взгляд.

– А что ты спрашиваешь? Ты сама всё проверишь, из первых уст узнаешь.

– Не смешно, – заметила я.

– А я и не смеюсь, любимая.

Я обиделась и отвернулась.

К Рубцово мы подъехали ровно через час. Большой посёлок, добротные дома, по окраинам несколько улиц панельных пятиэтажек, в центре магазины и административные здания. Роман Евгеньевич пару раз сверялся с навигатором, но, в конце концов, мы оказались на нужной улице, проехали мимо ряда похожих друг на друга кирпичных коттеджей среднего класса. Улица была обжитой, было件нятно, что люди здесь не первый год живут, деревья и кустарники в палисадниках успели подрасти и распушиться.

– Вот пятнадцатый дом, нам сюда.

Машина остановилась у кованых ворот, а я заволновалась с новой силой. Сделала пару глубоких вдохов, потом в зеркало на себя посмотрела, облизала губы. Не знаю, почему вол-

новалась. Рома к этому времени из машины вышел, обошёл её и открыл мою дверь.

– Выходи.

Я приняла его руку и осторожно из машины выпрыгнула. Пожаловалась:

– Для твоей машины стремянка нужна. Танк, а не машина.

– Она не для девочек.

– Она для мальчиков. С автоматами.

– Не преувеличивай.

Я отошла от него, осмотрелась, втянула в себя свежий деревенский воздух. Пахло цветами и почему-то молоком.

– А здесь красиво. Правда?

– Да, – отозвался Роман Евгеньевич, оглядывая улицу с таким видом, будто снайперов по кустам и крышам высмотреть пытался. Я дожидаться, пока у него обострение подозрительности пройдёт, не стала, и прошла к калитке. Нажала кнопку звонка. Потом мне пришло в голову:

– А если она здесь?

– И что?

– Что ты будешь делать?

Я повернулась к нему, и мы встретились взглядами. Выражение его глаз мне не понравилось, но что-то менять было поздно. В доме хлопнула дверь, и я увидела на крыльце женщину. Конечно, я её узнала, хотя видела до этого только на старых фотографиях в бабушкином альбоме. Невысокая брюнетка приятной внешности, но тонкие губы и длиннова-

тый нос делали её лицо немного хищным. За прошедшие годы она изменилась, но несильно, немного поправилась, и волосы теперь забирала в строгую причёску. Тётя Надя, родная сестра отца. Она меня увидела, кажется, в первую секунду удивилась не на шутку, после чего руками всплеснула и поспешила вниз по ступенькам крыльца.

– Лада, ты приехала! И не предупредила! Отец-то как обрадуется.

Краем глаза я уловила движение рядом, поняла, что Роман смотрит на меня, очень внимательно. Видимо, именно в этот момент к нему пришло окончательное понимание ситуации. И он был крайне недоволен. Но в данный момент мне было не до его чувств и ожиданий. Я смотрела на женщину, отпиравшую для нас калитку, видела её радостное лицо, и чувствовала огромную неловкость. Мы вошли во двор, тётя Надя протянула ко мне руки, желая обнять, а мне пришлось отступить.

– Тётя Надя, здравствуйте. Я Липа.

Её руки опустились, и улыбка померкла. На мгновение, но её разочарование было ощутимым и осязаемым. Она сделала шаг назад, присмотрелась ко мне, потом снова руками всплеснула, уже по мою душу.

– Липа, надо же... Совсем взрослая стала. А как на Ладу похожа, просто удивительно.

Я нервно улыбнулась.

– Не так уж и удивительно. Мы же близнецы.

Женщина закивала.

– Да, да, конечно. – Её взгляд остановился на мужчине за моей спиной. Я несколько растерялась, не знала, как его представить, а Роман сам прекрасно с этим справился. Даже руку тёте Наде протянул.

– Меня зовут Роман. Я муж Липы.

Я моргнула, потом кашлянула от неловкости. А нас, тем временем, в дом пригласили.

– Проходите, проходите. Юры, правда, нет, но он должен скоро вернуться. Вот он удивится. – Она снова оглянулась на меня через плечо. – Хорошо, что ты приехала, Липа. Мы ведь так и не встретились.

Эту тему я развивать не хотела, и поэтому лишь неловко улыбнулась. Мы прошли в дом, осмотрелись, на кухне нас за стол усадили, а на газ поставили чайник. Я не знала, что сказать, молчала и только осматривалась. Пока Роман Евгеньевич меня осторожно ногой не толкнул. Тогда уже я к тётке обратилась, правда, перед этим поймала себя на мысли, что она тоже, по всей видимости, не горит желанием общаться, или, как я, не знает, что сказать.

– Тётя Надя, а Лады нет? Я так хотела с ней встретиться.

– Лады? Ну что ты, она здесь не живёт, она в городе.

– В Нижнем?

– То в Нижнем, то в Москве.

– В Москве? – не утерпел Роман.

– Ну, так у неё же работа. Она модель. Липа, ты знаешь?

Ладочка для рекламы снимается.

Мы с Ромой переглянулись, а тётушке я поддакнула.

– Да, я видела.

– Она очень красивая.

«И мы совсем не похожи», съязвила я мысленно. Но заставила себя продолжить разговор.

– А в Москве она тоже снимается?

Тётя Надя налила нам чая, а сама обстоятельно кивнула.

– У неё много работы, но в Москве, в основном, на показах. Как уедет туда, бывает, по два месяца не появляется. Вот недавно только приехала на выходные, и обратно.

Рома рядом со мной кашлянул в кулак. Выражение на лице невесёлое. И чтобы как-то себя развеселить, он взял пряник из вазочки и откусил сразу половину.

А я решила «подивиться».

– Надо же, какая она молодец.

– Да, да. Лада выросла очень целеустремлённой девочкой. А ты? У тебя как?

– А я в банке работаю. Я экономист.

– Правда? Надо же. Это ты в Витю пошла. У него ведь бизнес, он тоже в Москве живёт. А там всё так сложно.

Я пила чай маленькими глоточками и мечтала уйти поскорее.

– Но у тебя зато семья, муж. Детишки есть?

Роман Евгеньевич положил руку на спинку моего стула, и ответил за меня.

– Нет, детей пока нет. Мы поженились недавно, три месяца назад. Да, милая? – Я кивнула через силу. – Надежда...

– Антоновна, – подсказала та.

Рома кивнул.

– Антоновна. А вы не могли бы нам дать номер Лады? Липа так хотела с ней встретиться. Мы и на свадьбу её хотели пригласить, а не смогли с ней связаться.

– Да где же с ней свяжешься! Она три месяца назад в Питере была.

Рома сокрушённо покивал.

– Да, какая бурная у неё жизнь, сплошные разъезды. А сейчас она где?

– Так уехала! Отдыхать уехала, в этот... Как его? Таиланд!

– А позвонить ей можно?

– Она сама звонит, вчера вот звонила, сказала, что всё хорошо у неё. Может, подольше останется, работу ей там предложили.

– С ума сойти, – потрясённо вздохнул Роман Евгеньевич. На меня посмотрел, а Надежде Антоновне сказал: – Хотя, я верю. Если она такая же красивая, как моя Липа, то должна быть нарасхват.

Тётя Надя снова ко мне присмотрелась, сравнивая. Но особого удовольствия я в ней от увиденного не замечала.

– Они очень похожи, даже причёски одинаковые.

Я тётке улыбнулась.

– Лада настояла на этой стрижке.

Тётя Надя непонимающе моргнула.

– Ты виделась с Ладой? Когда?

Пришла моя очередь «удивиться».

– А она вам не рассказывала? Она приезжала ко мне совсем недавно. Мы так хорошо поговорили, посидели. – В пылу истории я протянула руку и накрыла ладонью пальцы Романа Евгеньевича. – Жалко Рома был в командировке, не получилось у них встретиться. Вот мы и решили заехать, повидаться. Не думали, что она в отъезде. Да и Лада не рассказывала особо про свою карьеру. Наверное, поскромничала.

Тётя Надя присела с нами за стол, подбородок рукой подпёрла, кивала, слушая наши сказки. В общем, разговор наш ни к чему не привёл. Разве что Роман Евгеньевич удостоверился, что про сестру я ему не вру, и даже фотографии смог в гостиной посмотреть. Кстати, одна из них была точной копией портрета, что висел в его квартире. Когда он снимок увидел, его лицо почернело, как грозовая туча. А я поняла, что можно уходить. Пообещав ещё обязательно их с дядей Юрой навестить (как-нибудь, лет через пять), я с тётушкой простилась, и с огромным облегчением покинула её дом. Рома кипел от возмущения, причём не стеснялся в выражениях, и пока мы выезжали из Рубцово, я услышала от него много познавательного. И про сестру, и про всю женскую половину человечества в целом. Я молчала, ни спорить, ни обсуждать не собиралась. Смотрела в окно, а Роман Евгеньевич душу отводил. Я не вникала и не вслушивалась в его слова.

А потом он тронул меня за плечо, я от мыслей своих очнулась, голову повернула, и поняла, что мы стоим на светофоре, а Рома молчит и смотрит на меня. Потом кивнул.

– Ты чего?

Я головой покачала, но в следующую секунду у меня вырвался судорожный вдох, выдававший моё внутреннее состояние, и пришлось признаться:

– Я ей была не интересна. У них Лада есть, а я... Чужая. Он помолчал, обдумывал, потом спросил:

– Сильно расстроилась?

– Я не знаю. Может, именно расстроилась. Потому что мне не обидно, я понимаю... Просто я знаю, что они не хотели, чтобы мы с Ладой общались. Никогда не хотели, а сейчас мы взрослые, но ничего не изменилось. Я всегда буду чужой. И непохожей на неё.

– А ты хочешь быть похожей?

Я помолчала, отвернулась, и тихо призналась:

– Я бы хотела быть кому-то нужной. Как она.

После моего дурацкого признания, от которого мне самой совсем скоро стало неловко, мы замолчали. Роман Евгеньевич крутил руль, хмуро смотрел на дорогу, а я боялась помешать его раздумьям. Да и сказать мне, в сущности, было нечего. В конце концов, это его жена... по крайней мере, он с ней знакомился, он изъявил желание на ней жениться и, в итоге, проморгал всё, что можно и супруга от него сбежала. Куда-то, с кем-то... От меня в этой истории только имя.

Немного успокоившись, я попыталась выстроить в уме логическую цепочку своих, то есть, наших, дальнейших действий. Наверное, нужно нанять адвоката, обратиться в суд... Или не в суд, в полицию. Как-то доказать, что это не я сочелась браком с Романом Евгеньевичем Явзой. Думаю, это сделать не так трудно. У меня паспорт новый, и три месяца назад я жила своей жизнью в другом городе, и тому есть куча свидетелей и доказательств. Придя к такому выводу, я заметно воспряла духом, и к тому моменту, как мы повернули на уже знакомую мне улицу, я сделала глубокий вдох, а взгляд, который я обратила к Роману, должен был быть бодрым и решительным.

– Нам нужно встретиться с юристом, – сказала я.

Рома голову повернул, взглянул на меня в некотором удивлении.

– Каким?

– Хорошим, – обстоятельно ответила я. – У вас же есть хороший юрист?

– Липа, перестань говорить мне «вы».

Я секунду раздумывала, после чего решила пойти ему на встречу.

– Хорошо. У тебя есть хороший юрист?

– Зависит от того, что ты имеешь в виду. Юристов, которые занимаются фиктивным браками – точно нет.

– Значит, надо найти.

– Задача не из простых.

Я руками развела.

– Не надо преувеличивать. Я уверена, что всё не так сложно. Надо лишь доказать, что я... была не я.

Роман свернул во двор дома, покивал в такт моим словам.

– Ты была не ты, – проговорил он негромко.

Я кинула на него подозрительный взгляд, тон мне не понравился.

– Что не так?

Он не удержался и хмыкнул.

– А что, что-то у нас идёт так?

Я в расстройстве отвернулась.

– Знаю. И понимаю. Но нужно что-то делать! Я не могу здесь долго оставаться.

– Почему? Ты же в отпуске.

– И что? Это совсем не значит...

– Липа, иди домой.

Автомобиль остановился перед подъездом, а Роман Евгеньевич взглянул на меня с намёком. Я помедлила, потом спросила:

– А ты?

– А я поеду по делам.

– Нашим делам? – решила я уточнить.

Рома потёр подбородок. Даже я, плохо зная этого человека, понимала, что сдерживается он из последних сил. Поэтому ответа ждать не стала, открыла дверь и из машины вылезла. Кинула последний взгляд на Романа Евгеньевича, но он ничего не сказал, я дверь захлопнула, и машина тут же тронулась с места. Я вслед ей смотрела.

Вот так вот. А я: «Иди домой, Липа». Это, вообще, не мой дом.

Некоторое время я раздумывала над тем, не позвонить ли мне кому-нибудь из своей нормальной, привычной, средне-статистической жизни. Например, подруге. Взять и рассказать Светке всё, чтобы та поахала, ужаснулась и дала бы кучу бесполезных, но успокоительных для меня советов. Вот только рассказывать пришлось бы не только о случившемся казусе, но и о сестре-близняшке. Я же Светке про Ладу не рассказывала, ограничилась туманным объяснением о дальних родственниках, которые разрешили мне пожить в их пустой квартире. И сейчас начинать рассказ с самого начала никакого желания у меня не было. Какой-то печальный

рассказ вырисовывался. Начиная от молодых родителей, которым оказались не нужны дети, и, заканчивая сестрой, моим точным продолжением, которая так низко меня обманула.

Зато неожиданно решила позвонить матери. Сама я ей практически никогда не звонила, дожидалась очередного праздника или семейной даты, садилась перед компьютером и ждала звонка по скайпу, чтобы воочию увидеться с родительницей. У нас это превратилось в некую традицию. Десять минут улыбок в вэб-камеру, разговоров ни о чём, поздравлений и обещаний поступать правильно и осторожно. Мне давно кажется, что мама заучила этот список, который озвучивала всем своим детям: будь умницей и будь осторожна/ен. А сегодня, наверное, впервые, я сама набрала её номер. Чем её удивила, правда, она постаралась этого не выдать, и после секундной паузы, весело и радушно продолжила:

– Липа, дорогая, как я рада, что ты позвонила! Я как раз тебя вспоминала.

Мамин голос переливался и звенел, и я постаралась сразу вопросами её не огорошивать. Поинтересовалась:

– По какому поводу вспоминала?

– По какому? Да просто так.

Значит, не вспоминала. Решила приятное сделать. Меня это огорчает? Вроде, нет.

– Просто подумала о тебе, а ты взяла и позвонила. Как

у тебя дела? Всё хорошо?

Я откинулась на диванные подушки, а глаза рукой закрыла. Обдумывала свой ответ, но, в конце концов, решила, что маме не стоит рассказывать всё. Что она сделать может?

– Всё нормально, мама. Как у тебя дела? Как мальчики?

– У этих сорванцов всё в порядке. Собираюсь отвезти их на футбол.

– Я не вовремя позвонила?

– У меня есть ещё полчаса, давай поболтаем.

– Мне не нужно полчаса. Просто хотела... услышать твой голос.

– Дорогая, это так приятно.

Да уж...

– Мама, я сейчас в Нижнем Новгороде.

– Правда? Ой, порой так скучаю по этому городу. По Волге. Мы живём у океана, но я скучаю по Волге, представляешь?

– Нет. Я у океана никогда не жила. Мама, тебе Лада не звонила?

– Лада? Лада... Звонила, конечно.

– Когда?

Я вдруг почувствовала чей-то взгляд, голову повернула и в дверях гостиной увидела Романа Евгеньевича. Он смотрел на меня и внимательно прислушивался. Потом рукой в косяк упёрся.

– Недели две назад.

– А после?

– Нет. Она сказала, что уезжает и некоторое звонить не сможет.

– Куда уезжает?

– В Питер. У неё там работа.

– В Питер? – Я вздохнула. – Понятно.

– А что-то случилось? Не скрывай от меня ничего.

– Я не скрываю. Я просто хочу с ней встретиться. Очень хочу. А она отключила телефон.

– Хм, странно. Но, наверное, она занята. Это же Лада.

Её тон прозвучал странно, и я невольно переспросила:

– Что ты имеешь в виду?

– Липа, она всегда занята. Такой уж у неё характер. Как у отца. Тому тоже на месте не сидится, всё ему надо что-то делать и куда-то лезть.

Я секунду обдумывала.

– А ты... с отцом общаешься?

– Иногда, – легко заявила моя мама, чем повергла меня в шок, если честно. Кажется, общаются все и со всеми. Только я в этом не участвую. На душе стало тяжело. – Но, Липа, папа с годами превратился в настоящего зануду, – проговорила она громким шёпотом. Можно подумать, что я могла знать, каким он был, чтобы сравнить. – Бизнес, деньги, деньги, бизнес. Долго с ним об этом говорить у меня не хватает терпения.

– А Лада?

– Я уже сказала, что они похожи.

– Лада не зануда.

– Нет, конечно, но Лада не может жить спокойно, ей всегда нужно чего-то добиваться. Поэтому она в вечных разъездах. А может, она в Москве? Можно позвонить Вите и узнать.

Мне едва хватило душевных сил, чтобы этот разговор закончить. Я проговорила слова прощания, заверила ещё раз, что у меня всё хорошо, что я отдыхаю, после чего телефон выключила. Руку опустила и так замерла, глядя на стену. Осторожно сглотнула.

Рома за моей спиной сделал шаг, наклонился, опираясь на спинку дивана.

– Ну что?

Я продолжала хмуриться.

– Маме она сказала, что едет в Питер, – сухо проговорила я. – А, возможно, она в Москве. У отца, – выговорила я через силу. – Где будем искать?

– Разберёмся, – ответил Роман, а я с дивана поднялась и ушла в спальню. Дверь за собой закрыла. Привалилась к ней спиной, чтобы он не вошёл. Мне нужно было побыть одной.

Через пятнадцать минут я из спальни вышла, и была уверена, что выгляжу спокойной. И тени волнения и раздражения на моём лице и в глазах нет. Я умела с собой справляться. Не знаю, откуда во мне это качество взялось, от кого до-

сталось, подозреваю, что от бабушки. Никак не от родителей.

Рома на кухне суп ел. Я сварила, пока ждала его, оставила на плите, а Роман Евгеньевич, судя по всему, решил меня не ждать. А может, был уверен, что я из спальни не покажусь куда дольше. И мне не хотелось думать о том, что он понял, из-за чего я расстроилась. Неужели всё настолько очевидно? Хотя, я ведь сама ему призналась, сболтнула лишнего в машине.

Когда я на кухню вошла, он посмотрел, всего секунда, когда он ко мне приглядывался, после чего отвернулся и похвалил.

– Вкусно.

– Это хорошо, – согласилась я. За стол садиться не стала, остановилась у стеночки и руки на груди сложила. – Так что мы будем делать?

– Сегодня или вообще?

– Вообще.

– Будем искать твою сестрицу-паразитку.

Я глаза закатила.

– Теперь это только моя сестра, да? Смею напомнить, что она твоя жена.

Рома мрачно хмыкнул, съел ещё ложку супа. Затем головой качнул.

– Не совсем. Моя жена Олимпиада Викторовна. Это ты.

Я только рот открыла.

– В каком смысле?

– В таком, что сегодня вечером мы с тобой идём в ресторан. Как примерная семейная пара.

– Я не пойду.

– Пойдёшь.

– Нет!

Он поморщился.

– Так, не кричи, – попросил Роман Евгеньевич. Из-за стола поднялся, отнёс пустую тарелку в раковину. А на меня взглянул без удовольствия. – Ты думаешь, мне всё это нравится? Меня, знаешь ли, надули. Девочка с ангельским личиком, совсем как у тебя, день за днём мне врал. Мне никто никогда не врал, а у неё получилось. И мне очень интересно зачем. И тебе должно быть интересно.

– Мне интересно!.. – начала я, но Рома меня перебил.

– Не так тебе интересно, Липа. Не о том ты думаешь. Ты думаешь о юристах, о том, что наш... кхм, брак аннулируют, и ты заживёшь, как прежде.

– Вообще-то, это вполне логично.

– Может, в твоей привычной жизни это и логично. А вот в моей и в жизни твоей сестры, не очень.

Я нахмурилась.

– Почему?

Он руками развёл, а на меня взглянул в раздражении.

– Потому что, Липа, люди просто так таких вещей не совершают! Для этого нужна очень веская причина. Украсть паспорт, выйти по нему замуж, потом сбежать, бросив всё.

Ты об этом не задумывалась? Это не шутка и не баловство. Она не вернётся через неделю и не рассмеётся нам с тобой в лицо, сказав, что пошутила. Вот о чём подумай.

Мне стало серьёзно не по себе.

– И что это может значить?

– Что твоя сестра-курва вляпалась во что-то, и нас с тобой в это втянула. А если задуматься о моём круге общения, то даже мне можно начинать нервы в узлы закручивать. Эта сука...

– Перестань.

Он рукой махнул.

– Ладно. Твоя Клава подставила наши головы. Только я пока не выяснил: под пулю или под секиру. У меня и такие знакомые есть.

Я глаза закрыла. Рома же зло выдохнул. Помолчал немного, я знала, что он в это время меня разглядывает. Потом подошёл ко мне, остановился совсем рядом, в шаге, я глаза открыла и посмотрела на него, с подозрением. А он руку поднял, коснулся пальцем моего подбородка.

– Поэтому сегодня вечером мы с тобой идём в ресторан. Чтобы нас с тобой, тебя, – выделил он, – все видели. Ты поняла меня?

Мне пришлось кивнуть. Но вопрос слетел с губ:

– Что она сделала?

Рома отодвинулся от меня, отвернулся.

– Я пытаюсь выяснить. Но делать это нужно осторожно.

Единственное, что могу сказать, ни в какой Таиланд она не улетела. Никаких данных о том, что Шаталова Клавдия Юрьевна пересекла границу и покинула родину, нет.

– А это ты как узнал?

– Это как раз, было самым простым. А вот на своей территории вести себя нужно очень осторожно. Здесь врагов много.

– Каких ещё врагов?

– Что поделать, милая, – проговорил он в задумчивости. – Такая у меня работа. А ещё, – Роман повернулся, – мне нужно думать о репутации. Если мы хотим, чтобы нам было, что есть в дальнейшем. Мне доверяют много информации, много жизней, много личных ценностей. Как думаешь, что будет, если выяснится, что я женился на аферистке?

Я хмуро на него смотрела.

– Я не совсем поняла момент о нашем дальнейшем общем питании.

– Это всё, что ты слышала?

– Это то, что меня насторожило.

– Думай о деле, Липа, – посоветовал он. – Ты хоть понимаешь, чем это грозит лично тебе? Что бы она ни сделала, она делала это под твоим именем. И об этом знают все. Поэтому тебе сейчас куда безопаснее здесь, рядом со мной. А не дома. И расстояние значения не имеет, Липа.

Скажем честно, его речи меня совсем не радовали, а Рома ещё и добавил:

– Выбери себе платье. Такое, чтобы тебя заметили все.
А мне надо сделать несколько звонков.
– Я должна надеть её платье? – возмутилась я.
А Рома уже из другой комнаты ответил:
– Да!

На вечер я выбрала красное платье с открытыми плечами. В свой гардероб я подобный наряд никогда бы не приобрела, носить такое платье, нужна смелость и достойный повод. На мой взгляд, этим вечером звёзды сложились таким образом, что и повод веский представился, и смелой необходимо быть. Поэтому красное платье, макияж под стать и туфли на шпильке. Вот только в глазах беспокойство и недовольство. Но исправить это у меня не получалось.

Я из спальни вышла, как раз застала момент, когда Роман Евгеньевич чёрную рубашку надевал. Конечно же, разыграло любопытство, я так сразу отвести глаза не смогла, поглазела на широкую мужскую грудь, на кубики пресса, признаться, впечатлилась, но заставила себя моргнуть, сбрасывая наваждение, и даже улыбку изобразила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.